

Эльза Баркер

Свет за туманом. Путеводитель по четвертому измерению

Книга "Свет за туманом" была впервые опубликована в 1914 году и сразу стала бестселлером. Она представляет из себя сборник писем с "того света", полученных при помощи автоматического письма Эльзой Баркер от ее покойного друга - судьи Дэвида Паттерсона Хотча. На момент публикации книги один из сыновей и несколько его друзей были еще живы. Никто из них не был ранее знаком с Эльзой Баркер, однако они подтвердили, что особенности суждений и манера выражать свои мысли позволяют установить авторство судьи Хотча. Пятьдесят "писем", из которых состоит книга, напоминают заметки путешественника и лишены излишнего пафоса, так часто присущего посланиям с "другой стороны". Их автор рассказывает о том месте, где он оказался после физической смерти: об особенностях быта, новых знакомых, своем Учителе, который помогает ему в духовном развитии, открывшихся знаниях. Предваряя одно из первых изданий книги, Эльза Баркер написала о "письмах": "Если они дадут хотя бы одному читателю такое же радостное чувство бессмертия, какое они дали мне, то я буду вполне вознаграждена за свой труд".

Содержание

Предисловие 7	Письмо 25. Лишенный тени мир 61
Введение 11	Письмо 26. Круги на песке 64
ПИСЬМА	Письмо 27. Магическое кольцо 67
Письмо 1. Возвращение 19	Письмо 28. Если вы не будете как маленькие дети 70
Письмо 2. Не говорите никому 19	Письмо 29. Неожданное предостережение 72
Письмо 3. Берегите дверь 20	Письмо 30. Задача из небесной математики 75
Письмо 4. Облако на зеркале 20	Письмо 31. Перемена фокуса внимания 78
Письмо 5. Обещание невысказанных вещей 21	Письмо 32. Мои решения 81
Письмо 6. Магия воли 22	Письмо 33. Переход Ляйонеля 83
Письмо 7. Свет позади покрывала 23	Письмо 34. Жертвы собственных ограничений 86
Письмо 8. Железные тиски материи 24	Письмо 35. Низшая сфера 89
Письмо 9. Где души восходят и нисходят 25	Письмо 36. Прекрасное Существо 92
Письмо 10. Свидание в четвертом измерении 26	Песнь Прекрасного Существа 94
Письмо 11. Мальчик Ляйонель 28	Письмо 37. Где нет времени 96
Письмо 12. Мир первообразов 30	Письмо 38. Небесная иерархия 100
Письмо 13. Реальные и нереальные формы 32	Письмо 39. Облако свидетелей 103
Письмо 14. Фолиант Парацельса 34	Письмо 40. Царство Божие внутри 106
Письмо 15. Римская тога 36	Письмо 41. Путешествия с ангелом 107
Письмо 16. Та вещь, которую нужно забыть 38	Письмо 42. Игра в «веришь-не веришь» 111
Письмо 17. Вторая жена 42	Письмо 43. Наследники Гермеса 113
Письмо 18. Индивидуальные виды ада 44	Письмо 44. Невидимые рождественские дары 116
Письмо 19. Приют любви в небесах 45	Письмо 45. Высший мир грез 120
Письмо 20. Человек, нашедший Бога 48 j	Письмо 46. Только песнь 123
Письмо 21. Досуги души 51	Письмо 47. Проповедь и обещание 125
Письмо 22. Змей Вечности 54	Письмо 48. Весенняя пора мира 129
Письмо 23. Обращение к защитнику 58	Письмо 49. Архивы души 131
Письмо 24. Запрещенное знание 60	Письмо 50. Формула для учительства 132
Через некоторое время 60	

Предисловие

Самое мучительное из всех страданий европейского мира — это страх смерти. Он происходит от полного неведения — что ждет человека по ту сторону могилы. Этого мучительного страха нет на Востоке; там смерть рассматривается как временное состояние, за которым последует новая земная жизнь, поэтому там и не возникает того бездонного провала в неведомое, который проносится в сознании европейца при мысли об ожидающей его смерти.

Из этого следует, что страх смерти — не неизбежность, а лишь последствие определенного мирозерцания. Это подтверждается и предсмертными переживаниями

глубоко религиозных людей, которые верят в Бога, в Его благость и поэтому — не боятся. Но таких людей немного. Большинство чувствует потребность не только верить, но и знать.

Но возможно ли узнать, что испытывает человек после смерти? Указания на то, что это возможно, не уменьшаются, а растут!', и это дает надежду, что страх смерти будет так же побежден, как и всякое иное неведение.

До сих пор мы знали два источника, откуда люди черпали свои знания о посмертных переживаниях: религиозные представления и сообщения спиритов. Но есть еще и третий источник — это учения теософии; они дают подробно разработанные сведения о жизни человека в невидимых мирах, и эти сведения можно с полным основанием назвать противоядием, убивающим страх смерти.

Сообщения спиритов мало убедительны, потому что все они субъективны. Они рисуют состояние одного какого-либо человека и весьма мало влияют на людей иного типа и иного настроения!

В учениях теософии заключаются объективные знания, касающиеся всех людей, но они, к сожалению, еще очень мало распространены в широкой публике и требуют серьезного изучения.

Книга Баркер, которую мы предлагаем русским читателям, отличается от других потусторонних сообщений тем, что перед нами — попытка передать не субъективные ощущения умершего человека, а его объективные наблюдения. Книга эта вызвала большой интерес в Англии и в Америке, и как бы ни относиться к ней — как к подлинному сообщению из потустороннего мира, или как к литературному произведению, — она полна интересных мыслей и глубоких психологических указаний.

Главное возражение, которое нам приходилось слышать против писем из книги «Свет за туманом», — это их реализм, отражение в той жизни, которую мы считали непостижимой, слишком знакомых для нас явлений. Библиотеки, дома, аллеи, даже попытки есть — все это возмущает мысль людей, которые привыкли считать, что потусторонний мир не может и не должен иметь ничего общего с нашим земным миром. Но почему он не может иметь ничего общего — этого никто объяснить не сумеет. Как всякое предвзятое мнение, и эта уверенность покоится более всего на привычке думать по определенным линиям, которая в данном случае вызвана исконным возвеличением загробного мира и таким же принижением мира земного.

А между тем и наука, и все наблюдения говорят нам о том, что в природе нет неожиданных скачков. Закон эволюции, то есть постепенный переход от простого к сложному, от несовершенного к совершенному, наблюдается во всех областях природы; почему же только в этом одном случае: при переходе человека из физического состояния в сверхфизическое — должен произойти какой-то противоестественный скачок? Почему человек неразвитой и невежественный, бывший в рабстве у своей чувственности, должен сразу забыть все, чем он жил до тех пор, и сп ать идеальным и одухотворенным? Почему не допустить гораздо более естественное и разумное предположение, что он сохранит и все свои свойства, и свой узкий кругозор, который помешает ему воспользоваться великими возможностями новой жизни, не скованной физическими ограничениями? Если это допустить, то в потустороннем мире окажется такое же разнообразие ступеней сознаний и такая же пестрота переживаний, как и в доступном для нас земном мире. Возьмите из земных переживаний только одно — большую картинную галерею, и представьте себе проходящую мимо ряда картин толпу людей всех сословий и всех степеней развития и образования, от художника-мысли- теля до еле грамотного чернорабочего. Что вынесет каждый из них, уходя из галереи? Кто станет оспаривать, что каждый вынесет нечто свое, совсем непохожее на то, что испытывает идущий рядом с ним? То же самое — всегда и везде, где познаваемые явления проходят через наш внутренний мир. То же самое должно повториться, по всем законам разума, и в новых условиях нашего посмертного существования. Человек, для которого высшим наслаждением было вкусно поесть и роскошно пожить, будет стремиться снова повторять те же переживания, и так как, по всем оккультным указаниям, сверхфизическая материя невидимого мира весьма пластична и легко поддастся творческой силе воображения,

то нет ничего удивительного, если умерший человек будет окружать себя созданными его же воображением вещами, чтобы испытывать те же удовольствия, какие привлекали его на Земле.

В 1914 году, когда книга «Свет за туманом» появилась в Лондоне, Э. Баркер не называла имени ее автора. В январском номере текущего года нового американского журнала «The Chalc» Э. Баркер дает его имя — это юрист, судья Дэвид П. Хотч из Лос-Анджелеса, автор нескольких книг философского содержания, подписанных псевдонимом, весьма известный в этой части Америки и имеющий многих живых друзей, у которых можно справиться о нем. Его старший сын, Брюс Хотч, выразил г-же Э. Баркер, которая до издания книги «Свет за туманом» никогда не встречалась с ним, свою полную уверенность в том, что письма эти несомненно принадлежат его отцу, особенности мышления и манеру выражаться которого он узнает в них с полной очевидностью. Кроме этого заявления, г-жа Баркер упоминает о множестве писем, которые она получила с выражением глубокого интереса к изданной ею книге и благодарности за то, что она издала ее для всеобщего сведения. Это неудивительно, потому что книга Э. Баркер полна такой бодрящей уверенности в неисчерпаемых силах человека, она дает так много новых вдохновений и раскрывает столько широких возможностей для пробуждения духовного сознания, что ее нельзя не приветствовать и не отметить как явление чрезвычайно интересное, проторяющее новые пути общения с невидимыми мирами.

Е. Писарева

Введение

К книге, появившейся в текущем году* под этим заглавием в Англии и принадлежащей перу довольно известной на Западе писательницы, приложено предисловие, в котором рассказаны все обстоятельства, вызвавшие обнародование этих писем. Автор книги сообщает, прежде всего, что ни она, ни диктовавший эти письма «Х» никогда не принадлежали к спиритам, сама Э. Баркер со спиритической литературой была совсем незнакома и к вопросу о потусторонних переживаниях относилась с полным равнодушием. В детстве она участвовала в нескольких сеансах с использованием спиритической планшетки, их банальные результаты не вызвали в ней никакого интереса. Позднее, под руководством одной медиумичной личности, Баркер пробовала несколько раз автоматическое письмо, но не заинтересовалась им и не придавала полученным записям никакого значения. Много лет тому назад она была по настоянию друзей на нескольких спиритических сеансах, но осталась совершенно равнодушной к этой области психических исследований. За несколько месяцев до появления посмертных писем «Х» ее попросили участвовать в сеансе механического письма с помощью планшетки. Содержанием письма было предсказание пожара в доме, где она жила, которое с невероятной точностью сбылось. В этих мимолетных впечатлениях — если не считать ряда видений пророческого характера, которые автор называет «hypnagogic visions», — такие бывали, наверное, у большинства образованных людей нашего времени, заключался весь спиритуалистический опыт автора книги. Это обстоятельство придает книге особое значение и интерес.

В первый раз побуждение взять карандаш и писать появилось у г-жи Баркер за год до издания этой книги, в Париже. Повинуясь импульсу, она начала писать механически, и получилось известие исключительно личного характера, очень интересное для нее, подписанное буквой «Х». Показав на другой день это сообщение своей приятельнице, она была очень удивлена, узнав, что так называли друзья г-на N, которого г-жа Баркер знала хорошо. Но г-н N был в это время в Америке, в числе живых, а сообщение шло из потустороннего мира. Однако вскоре пришло известие, что этот господин умер в одном из западных Штатов Северной Америки, за несколько дней до появления сообщения, подписанного «Х». Далее я буду продолжать подлинными словами г-жи Э. Баркер.

«Вскоре после получения известия из Америки о смерти г-на N я сидела вечером с подругой, которая сообщила мне, кого при жизни называли условным знаком „X^m“; она стала просить меня попробовать — не придет ли новое сообщение от него, и я согласилась, больше

для того, чтобы доставить ей удовольствие, чем из личного интереса. Тогда-то появилось первое сообщение, начинающееся словами: „Я здесь, не бойтесь ошибки..“¹ Оно писалось с паузами и промежутками между отдельными фразами, большими и неправильными буквами, но совершенно автоматически, как и в первый раз. Писала я с таким напряжением, что моя правая рука была почти парализована на другой день.

Несколько писем с подписью „Х^й“ были мной автоматически записаны в течение последующих недель; но вместо того, чтобы увлечься этими сообщениями, я почувствовала скорее предубеждение против подобного занятия, и только настояние моей подруги, которая видела в них желание „Х“ вступить в сношение с земным миром, заставило меня преодолеть себя.

„Х^й“ не был обыкновенным человеком. Он был очень известным юристом, глубоко изучившим философию, автором многих книг, человеком, высокие идеалы и чистый энтузиазм которого являлись вдохновением для всех, знавших его. Ему было 70 лет. Жил он очень далеко от меня, и я подолгу не виделась с ним. Насколько я помню, мы с ним никогда не говорили о посмертном сознании.

Введение

Постепенно, по мере того, как преодолевалось мое предубеждение против автоматического письма, я начала чувствовать интерес к тому, что „Х“ сообщал относительно потусторонней жизни. Я ничего не читала по этому поводу, даже всем известные „Письма Джулии“, и поэтому у меня не было предвзятых идей.

С течением времени болезненное ощущение в руке прекратилось, и сам почерк улучшился, хотя очень ясным он не был никогда.

В первое время письма писались в присутствии моего друга; но позднее „Х^й“ появлялся, когда я была только одна. Это было то в Париже, то в Лондоне, так как я постоянно переезжала из одного города в другой. Иногда он появлялся несколько раз в неделю; иногда же проходил целый месяц, и я не чувствовала его присутствия. Я никогда не звала его и очень мало думала о нем в промежутках между его появлениями, так как и мое время, и мысли, и перо были заняты совсем другими задачами.

Записывая эти сообщения, я была по большей части в полубессознательном состоянии, так что перед прочтением написанного у меня было лишь смутное представление о его содержании. А несколько раз я была так близка к полной потере сознания, что, кладя карандаш, не имела ни малейшего представления о том, что писала.

Когда речь впервые зашла об издании этих писем, мысль эта была для меня неприятна. Написав несколько книг, более или менее известных, я не была чужда некоторого тщеславия в смысле литературной репутации, и мне вовсе не хотелось прослыть фантазеркой. По настоянию моего друга я согласилась написать предисловие к книге, в котором было бы сказано, что письма были написаны в моем присутствии. Это обещание удовлетворило моего друга, но не меня.

Внутри меня шла борьба. Если я издам эти письма, думала я, совсем без предисловия, они будут приняты за фикцию, и все важное, заключающееся в них, потеряет свою ценность в смысле указания на посмертное существование человека. Если же я напишу, что они созданы посредством автоматического письма в моем присутствии, непременно возникнет вопрос, чьей же рукой делались записи, и я буду принуждена уклоняться от правды. Если же я откровенно признаюсь, что сообщения записывались моей рукой, и расскажу о событиях, как они происходили, тогда возможны будут только две гипотезы: или что письма эти — подлинные сообщения развоплощенного человека; или же что они — измышления моего собственного подсознания. Но последняя гипотеза не объясняет первого письма „Х^й“, появившегося раньше, чем я узнала о его смерти, если только не допустить, что подсознанию каждого человека известно все. Но в таком случае почему мое подсознание выбрало этот путь длительной

¹ 1914 год. — *Примеч. ред.*

мистификации моего бодрствующего сознания и притом без всякого предварительного внушения с моей или с чьей бы то ни было стороны? Ведь ни я и никто из окружающих меня не знали о смерти «Х».

Чтобы кто-нибудь мог обвинить меня в преднамеренном обмане и сочинительстве в таком серьезном деле, этого я не допускала и теперь считаю невероятным ввиду полной возможности для меня иметь иной, законный исход для моего воображения в произведениях поэзии и романа.

Около трех четвертей всех писем было уже написано, когда я окончательно нашла для себя ответ на этот вопрос. Я решила или совсем не издавать их, или же обнародовать с предисловием, в котором будут откровенно изложены все обстоятельства возникновения этих писем.

Когда же издание было решено, возник вопрос: печатать ли их целиком или делать сокращения? Я решила не выпускать ничего, кроме указаний на личные дела самого „Х“, на мои и моих друзей. Я ничего не прибавляла, и только изредка, когда построение фразы было слишком неудачным или попадались повторения, я позволяла себе внешнюю правку.

Среди утверждений, касающихся будущей жизни, встречаются такие, которые составляют совершенную противоположность моим собственным представлениям о том же вопросе. Я их сохранила, как они были написаны. Некоторые из философских положений были совершенно новы для меня; иногда я улавливала всю их глубину только после прошедшего нескольких месяцев.

Если у кого-нибудь возникнет вопрос, что думаю я сама об этих письмах, считаю ли я их подлинными сообщениями из невидимого мира, я отвечу утвердительно. В выпущенных местах, касающихся моей личной жизни, было много намеков и указаний на обстоятельства, которые мне были неизвестны, и все, которые мне удалось проверить, оказались безошибочны. Если попытаться объяснить это столь популярной сейчас телепатической теорией, предлагаемой психологами, то чья же телепатия проявилась в письмах? Подруга, о которой я упоминала, не могла этого сделать, так как содержание писем было для нее такой же неожиданностью, как и для меня.

Но я все же считаю необходимым упомянуть, что не имею никаких претензий на научное значение этой книги, так как для этого требовались бы соответствующим образом представленные доказательства. Исключая первое письмо, подписанное „Х“ и переданное мне прежде, чем я узнала, что г-н N умер, все остальные были написаны вне „научно-испытательных условий“, как их понимает ученый-психолог нашего времени. Как доказательство существования души после телесной смерти содержание этих писем должно быть или принято, или отвергнуто каждым, сообразно его личным особенностям, внутреннему опыту и собственной интуиции.

Должна прибавить, что если бы не мое полное доверие к источнику этих писем и не такое же доверие моих друзей ко мне, книга эта не могла бы быть издана. Ибо сомнение в невидимом авторе или в видимом посреднике парализовало бы обоих в такой мере, что их работа не могла бы осуществиться.

Что касается лично меня, то эти письма содействовали окончательному уничтожению во мне всякого страха смерти, они укрепили мою веру в бессмертие, и они же превратили для моего сознания потустороннее существование в такое же реальное, как и наша жизнь на земле. Если они дадут хотя бы одному читателю такое же радостное чувство бессмертия, какое они дали мне, то я буду вполне вознаграждена за свой труд.

Тем же, которые склонны порицать меня за обнародование этой книги, я могу сказать только одно: я всегда стремилась отдать миру все самое лучшее во мне, а эти письма, думается мне, может быть, самое лучшее из всего, что я могу отдать».

Письмо 1

Возвращение

Я здссь! Не бойтесь ошибки!

Это я говорил с вами, и теперь говорю снова я.

У меня были удивительные переживания. Много из забытого я начинаю вспоминать. Все случившееся вело ко благу: оно было неизбежно.

Я уже могу различать вас, хотя не очень ясно.

Я не видел здесь тьмы. Здешний свет удивительный, гораздо удивительнее, чем солнечный свет юга.

Нет, я еще не очень ясно разбираю дорогу в окрестностях Парижа; все мне кажется иным. И если я вижу вас, то это, по всей вероятности, благодаря вашей собственной жизненной силе.

Письмо 2

Не говорите никому

Я нахожусь как раз против вас в пространстве, то есть я прямо перед вами, опираюсь на что-то, вероятно, кушетку или диван. Мне легче приходить к вам после сумерек.

Уходя отсюда, я подумал, что возможно будет говорить с людьми с помощью вашей руки.

Я чувствую себя сильнее. Бояться нечего — это только перемена состояния.

Я не могу еще сказать вам, как долго я был в безмолвии. Кажется, не очень долго.

Это я подписал «Х». Учитель помог мне завязать связь.

Лучше до времени не говорите никому, исключая известного вам человека, что я приходил, так как я не желал бы помехи для моих появлений во всякое время, когда и куда захочу.

Дайте мне от времени до времени пользоваться вашей рукой: я не злоупотреблю ею.

Я хочу остаться здесь, пока не буду в состоянии вернуться более сильным. Ждите меня, но не теперь.

Все делается для меня теперь легче, чем в первое время. Мой вес уменьшился. Я мог бы еще остаться в теле, но не стоило делать усилий.

Я видел Учителя. Он близко. Его отношение ко мне приносит много утешения.

Но теперь мне лучше уйти. Доброй ночи!

Письмо 3

Берегите дверь

Вы должны иррииягь некоторые предосторожности, чтобы оградить себя от тех, что теснятся вокруг меня.

Вы должны ограждать себя днем и ночью зарок. Ничто не может проникнуть через эту стену — ничто, что вы запретите своей душе принимать к себе.

Не позволяйте этим лярвам астрального мира высасывать из себя силы. Нет, меня они не беспокоят, ибо я уже привык к мысли о них. Вам совершенно не следует бояться, если вы защитите себя.

Письмо 4

Облако на зеркале

(После того, как фраза была наполовину написана, писание внезапно прервалось и возобновилось только через некоторое время.)

Когда вы отвечаете на мой призыв, вытрите дочиста ваш ум, как вытирает ребенок свою аспидную доску, готовясь записать новую задачу' учителя. Малейшая ваша личная мысль или фантазия будет как бы облаком на зеркале, затуманившим отражение.

Вы можете получать таким путем письма, если ваш ум не будет при этом работать независимо, не будет ставить вопросов во время писания.

На этот раз я был прерван не собравшимися вокруг существами, но вашим собственным любопытством — как кончится начатая фраза. Вы стали внезапно активной, вместо того чтобы остаться пассивной, вроде того, как если бы воспринимающий телеграфный аппарат начал посылать свое собственное сообщение.

Я узнал здесь причину многих психических явлений, которые прежде поражали меня, и я намереваюсь защитить вас, насколько возможно, от перекрещивающихся токов, вредных для нашей работы.

Один раз вечером, когда я явился к вам, вы не впустили меня. Хорошо ли это было?

Но я не упрекаю вас. Я буду приходить снова и снова, пока мое дело не будет сделано.

Вскоре я приду к вам во сне и покажу вам много интересного.

Письмо 5

Обещание невысказанных вещей

Через некоторое время я передам вам знание, которое приобрел с тех пор, как я здесь. Я вижу теперь прошлое как бы через открытое окно. Я вижу дорогу, по которой я пришел, и могу начертить дорог)', по которой намереваюсь идти в будущем.

Все кажется мне теперь легким. Я мог бы делать вдвое больше, чем делаю, — до того сильным чувствую я себя.

До сих пор я еще не обосновался нигде и передвигаюсь с места на место, куда меня влечет; я мечтал об этом всегда, когда был в теле, но никогда не мог осуществить этой мечты.

Не бойтесь смерти; но живите на Земле как можно дольше. Несмотря на все, что я здесь приобрел, я жалею иногда, кончилась моя причастность к миру. Но сожаления теряют свой вес в потустороннем мире так же, как и тела наши.

И я расскажу вам о вещах, которые не были еще высказаны никогда.

Письмо 6

Магия воли

Вы еще не вполне схватили тайну воли. Она может сделать из вас все, что вы захотите, в пределах вашего размера энергии; ибо в той единице силы, которая называется человеком, все находится или в состоянии активном, или в состоянии потенциальном.

Различие между живописцем и музыкантом, между поэтом и романистом не есть различие качественное; ибо каждый человек заключает в себе все, исключая количества, и, таким образом, каждый имеет возможность развивать себя по любой линии, избранной его волей. Выбор мог совершиться очень давно. Нужно много времени, часто много жизней, чтобы достигнуть определенного искусства или способности к особому роду творчества, преобладающей над всеми другими способностями. Сосредоточение есть ключ к силе, здесь, как и везде.

Что касается силы воли в ваших повседневных задачах, то есть два пути для проявления воли. Можно сосредоточиться на определенном плане и привести его в исполнение или не привести, в зависимости от запаса той силы, которой вы располагаете. Или же можно направить волю на то, чтобы самый лучший, самый высокий и самый мудрый из всех возможных планов был выявлен подсознательными силами в вас самих и в других «я». Последний путь ведет к господству над всей окружающей средой вместо господства или попытки к господству над одной ее частицей.

В этом обращении между видимым и внутренним миром вы, принадлежащие к первому, склонны думать, что мы можем знать все. Вы требуете, чтобы мы играли роль предсказателей будущего, или сообщали вам, что происходит на противоположной стороне земного шара.

Иногда это возможно, но по большей части — невозможно.

Со временем я буду в состоянии проникнуть в ваше сознание, как это делает Учитель, и буду знать все мысли и планы, которые возникают и возникали в нем; но теперь мне это не всегда удастся.

Например, однажды я всюду искал и не мог найти вас. Возможно, что вы должны очень сильно думать о нас, для того чтобы облегчить наш путь к вам.

Я все время учусь. Учитель деятельно помогает мне. Когда я вполне овладею вашей рукой, тогда я расскажу вам о жизни, которую ведут здесь.

Письмо 7

Свет позади покрывала

Делайте для меня по временам отверстие в том покрове из плотной материи, который закрывает вас от моего взора. Я вижу вас часто ярким световым пятном, и это бывает, вероятно, тогда, когда ваша душа сильно чувствует, или когда ваш ум полон сильными мыслями.

Я могу читать ваши мысли иногда, но не всегда. Иногда я хочу приблизиться к вам и не могу вас найти. Вероятно, и вы не всегда могли бы найти меня, если бы вы были здесь.

Иногда я совсем один; иногда я окружен другими.

Странно, но сейчас мне кажется, что мое тело вполне вещественно, а вначале мне казалось, что мои руки и ноги вытягивались по всем направлениям.

Обыкновенно я не хожу, как прежде, но и не летаю в точном смысле этого слова, так как у меня никогда не было крыльев; и все же проношусь в пространстве с невероятной быстротой. Но иногда все же хожу.

А теперь я обращаюсь к вам с просьбой. Вы знаете, как мне иногда трудно давалась решимость войти с вами в сношение, но я продолжал добиваться. И вы не унывайте и действуйте так, как если бы все средства общения были у вас в руках. Не допускайте сомнений, ибо когда вы сомневаетесь, вы притягиваете меня к земле, вызывая во мне желание помочь вам. А это так же нехорошо, как горевать об умерших.

Письмо 8

Железные тиски материи

У человека, перешедшего в «невидимый» мир, появляется внезапное воспоминание о Земле.

— О, — говорит он, — мир продолжает идти без меня! Чего мне не хватает?

Ему кажется почти дерзостью со стороны мира, что он продолжает существовать без него. Он начинает волноваться. Он уверен, что выкинут из круга времени, что он забыт, выброшен вон.

Он осматривается кругом и не видит ничего, кроме спокойных пространств четвертого измерения. О, чего бы он ни дал, чтобы снова почувствовать железные тиски материи! Поддержать что-нибудь существенное в плотной руке!

Со временем настроение это проходит, но настает день, когда оно возвращается с удвоенной силой. Он должен выйти из этой тонкой разреженной среды в энергично-сопротивляющуюся среду плотной материи. Но как это сделать?

А, он вспомнил! Всякое действие исходит из памяти. Было бы безрассудно делать этот опыт, если бы он уже не проделал его.

Он закрывает глаза и ввергает себя в невидимое. И он привлекается к человеческой жизни, к человеческим существам, в интенсивные вибрации единения с ними. Здесь он испытывает сочувствие — может быть, сочувствие прежних переживаний с душами, с которыми он снова вступает в соприкосновение, но возможно, что это лишь сочувствие настроения или воображения. Как бы то ни было, он выпускает из рук свое право на свободу и, торжествуя, теряется в жизни человеческих существ.

Через некоторое время он пробуждается и с удивлением смотрит на твердую почву и

круглые прочные лица людей. Иногда он плачет и стремится назад. Если у него отбилась охота, он может вернуться — чаще всего, чтобы снова начать утомительную погоню за теми же тисками материи.

Если же он упрям и с сильной волей, он может остаться и вырасти в человека. Он даже может уверить себя, что его прежняя жизнь в тонкой субстанции была лишь сном — и действительно, во сне он возвращается к ней — и этот сон преследует его и портит его пребывание в материи.

Но проходят годы, и его начинает утомлять материальная борьба: его энергия исчерпана. Он возвращается в область невидимого, и люди снова заявляют, что он умер.

Но он не умер. Он только возвратился туда, откуда пришел.

Письмо 9

Где души восходят и нисходят

Друг мой, в смерти нет ничего страшного. Это не тяжелее, чем путешествие в чужую страну, — первое путешествие для человека, который стал несколько старомодным и закристаллизовался в привычках своего более или менее тесного уголка в мировом пространстве.

Когда человек приходит сюда, чужие, встречаемые им здесь, не более чужды, чем иностранцы для того, кто впервые сталкивается с ними. Он не всегда понимает их; и здесь опять-таки его переживания сходны с пребыванием в чужой стране. Через некоторое время он начинает делать шаг вперед и улыбаться глазами. Его вопрос: «Откуда ты?» вызывает такой же ответ, как и на Земле. Один — из Калифорнии, другой — из Бостона, третий — из Лондона. Это бывает тогда, когда мы встречаемся на больших дорогах; ибо и здесь существуют дороги, по которым души приходят и уходят, как и на Земле. Такая дорога составляет, обыкновенно, кратчайшую линию между большими земными центрами; но она никогда не бывает над линией железной дороги. Было бы слишком шумно. Мы можем слышать земные звуки. Происходит известный толчок в эфире, который доносит звуковую вибрацию до нас.

Иногда некоторые из нас поселяются на долгое время на одном месте. Я посетил старый дом в штате Мэн, где человек, пребывающий по эту сторону жизни, задерживался в течение целого ряда лет; он рассказал мне, как выросли все его дети, и как жеребенок, которого он любил перед уходом сюда, вырос в большого коня и умер от старости.

Здесь так же бывают лентяи и тупые люди, как и у вас. Бывают и блестящие, и притягательные, одно присутствие которых действует оживляющим образом.

Может звучать почти нелепо, что мы носим платья, как и вы; только нам не нужно их в таком количестве. Я не видал здесь чемоданов; хотя я ведь еще недавно здесь.

Тепло и холод не имеют уже значения для меня, хотя я помню, что в самом начале мне казалось холодно, но это уже прошло.

Письмо 10

Свидание в четвертом измерении

Вы можете принести такую пользу, уступая мне от времени до времени вашу руку, что меня удивляет ваша боязнь.

Философия, которую я хочу передать вам, должна проникнуть в мир. Возможно, что только весьма немногие поймут ее глубину в этой жизни; но семя, посеянное сегодня, может принести плод в далеком будущем. Как те зерна пшеницы, которые были погребены вместе с мумиями в течение двух или трех тысяч лет и все же проросли, когда их поместили в подходящую почву в наши дни. То же и с семенами философии.

Кто-то сказал, что глупо работать для философии, вместо того чтобы заставлять философию работать для себя; но человек не может дать даже малой крупички истинной философии без того, чтобы самому не пожать всемерно больше. Чтобы получать, нужно

давать. В этом Закон.

Я могу сказать вам много о здешней жизни, что поможет другим, когда для них придет время великой перемены. Почти каждый приносит сюда воспоминание прошлого, более или менее живое воспоминание о своей земной жизни — по крайней мере, большинство из тех, с которыми я имел здесь дело.

Я встретил здесь одного человека, который не хотел говорить о Земле и все толковал о «движении вперед». Я напомнил ему, что как бы далеко он ни ушел, он все же вернется к месту, откуда пустился в путь.

Вас интересует, вероятно, нуждаемся ли мы в пище и питье. Мы, несомненно, питаемся и, по-видимому, поглощаем много воды. Вам тоже следовало бы пить побольше воды. Она питает астральное тело. Я не думаю, чтобы тело, лишенное влаги, могло обладать достаточной астральной энергией, чтобы уступить свою руку душе, которая находится на этом плане жизни, как вы это делаете сейчас. В нашем здешнем теле много влаги. Может быть, соприкосновение с так называемым духом оттого и производит в некоторых горячих людях ощущение холода, и они вздрагивают.

Мне нужно сделать усилие, чтобы писать через вас, но это усилие стоит сделать.

Я являюсь туда, где чувствую ваше присутствие. Я могу вас видеть лучше, чем других. И тогда я делаю обратное, то есть вместо того, чтобы входить внутрь, как я это делал прежде, я выхожу наружу с большой силой по направлению к вам. Я овладеваю вами стремительным натиском.

Иногда наше писание останавливалось посреди начатой фразы. Это было тогда, когда я недостаточно сосредоточивался. Вы заметили, может быть, что когда вы переходите из одного мира в другой, внезапный шум или, может быть, вторгнувшаяся мысль может привести вас назад. То же и здесь.

Теперь об элементе, в котором мы живем. Он, несомненно, существует в пространстве, ибо он облекает Землю кругом. И все, каждая видимая вещь, имеет здесь свой соответствующий двойник. Когда вы перед засыпанием вступаете в этот мир*, вы видите вещи, которые существуют или существовали в материальном мире. Вы не увидите ничего в этом мире, что не имело бы физического соответствия на Земле. Здесь существуют, несомненно, и воображаемые картины, мыслеобразы; но видеть воображением не значит владеть астральным зрением. То, что вы видите, засыпая, имеет реальное существование, и, меняя быстроту ваших вибраций, вы переходите в этот мир — или, вернее, вы возвращаетесь в него, ибо необходимо в него вступить для того, чтобы из него выйти.

Воображение обладает великой силой. Если вы нарисуете картину в своем уме, вибрации вашего тела могут приспособиться к ней или, иначе, — настроиться на тот же лад, если только воля работает в том же направлении, как это бывает при мысли о здоровье или болезни.

Можно было бы сделать интересный опыт, когда вы захотите перейти сюда: выберите определенный символ и держите его перед глазами. Я не уверен, но возможно, что это поможет вам изменить ваши вибрации.

⁴ Это, очевидно, относится к моим «гипнотическим» видениям.

Хотелось бы знать, смогли бы вы видеть меня, если бы перед засыпанием перешли сюда с мыслью обо мне?

Сегодня я чувствую себя очень сильным, потому что долго был в присутствии того, кто гораздо сильнее меня; и потому сегодня я мог бы помочь вам в подобном опыте лучше, чем в другое время.

Я продолжаю узнавать многое, что хотелось бы передать вам. Например, я мог бы показать вам, как приходить сюда по своей воле, как это делают Учителя.

Сперва я овладевал только вашей рукой, чтобы писать посредством нее, а теперь я умею владеть всей вашей психической организацией. Мне помог в этом Учитель. Благодаря этому новому приему вы не будете испытывать такой усталости, и я также.

Теперь я уйду и постараюсь встретиться с вами через некоторое время. Если опыт не удастся, не теряйте уверенности, но попробуйте снова в другой раз.

Письмо 11

Мальчик Ляйонель

Вам будет интересно узнать, что здесь, так же, как и на Земле, существуют люди, посвятившие себя благу других. Здесь есть даже большая организация душ, которая называется Лигой. Их задача состоит в помощи тем, которые только что перешли сюда; они помогают им приспособиться к новым условиям. Эта Лига приносит большую пользу. Они работают наподобие Армии Спасения, только на более — не скажу высоком, — а на более интеллектуальном плане. Они помогают и взрослым, и детям.

Дети представляют здесь интересные особенности. Мне самому не было времени наблюдать за всем этим; но один из работающих в Лиге сказал мне, что детям легче приспособиться к здешней жизни, чем взрослым. Очень старые люди имеют склонность много дремать, тогда как дети появляются сюда с большим запасом энергии и приносят с собой то же любопытство, какое им свойственно на земле. Резких перемен не существует. Дети вырастают здесь, говорят мне, так же незаметно, как и на Земле. Общее правило — в том, чтобы выполнить нормальный ритм, но бывают случаи, когда душа возвращается очень скоро. Возможно, что это душа с большим любопытством и сильными желаниями.

Здесь встречаются пороки даже более ужасные, чем на Земле. Разложение от невоздержанности здесь гораздо сильнее, чем там. Я видел здесь лица и формы, которые поистине ужасны, лица, которые казались полусгнившими и распадающимися на части. Но это безнадежные случаи, и таких работники Лиги предоставляют своей печальной судьбе. Я не уверен в будущей судьбе этих людей: могут ли они воплотиться в этом цикле, я не знаю.

Но дети здесь так очаровательны! Один мальчик часто бывает со мной; он называет меня отцом и, по-видимому, радуется общению со мной. Ему, должно быть, около тринадцати лет, и он пробыл уже некоторое время здесь. Он не умел сказать мне, сколько времени; но я спрошу его, не вспомнит ли он земной год, когда перешел сюда.

Это неверно, что здесь нельзя скрывать свои мысли. Здесь можно сохранять тайны, если знать, как это делать. Это делается внушением или наложением зарока. Хотя здесь, все же, несравненно легче читать чужие мысли, чем на Земле. Мы сообщаемся друг с другом приблизительно так же, как и вы. Но по мере того, как время идет, я замечаю, что начинаю разговаривать все чаще не губами, а посредством сильных проекций мысли. Вначале я открывал рот, когда хотел что-нибудь сказать; теперь я это делаю изредка, по силе привычки. Когда человек только что перешел сюда, он не понимает другого, пока последний не заговорит, или, вернее, пока сам не научится говорить иначе.

Но я начал о мальчике. Он чрезвычайно интересуется некоторыми земными вещами, о которых я ему говорю, особенно аэропланами, которые были еще не особенно усовершенствованы, когда он перешел сюда. Ему хочется вернуться и полетать на аэроплане. Я говорю ему, что он может летать здесь без аэроплана, но для него это не одно и то же; ему хочется «вложить персты» в самую машину.

Я советую ему не торопиться с возвращением назад. Интереснее всего, что он может вспомнить свои предыдущие жизни на Земле. Многие здесь не имеют никакого воспоминания о своих прежних жизнях, они помнят только то, что переживали перед уходом сюда. Вообще, это вовсе не место, где бы все знали обо всем, — далеко нет. Большинство душ почти так же слепо, как оно было на Земле.

Мальчик был изобретателем в предыдущем воплощении, и на этот раз он перешел сюда благодаря несчастному случаю, как рассказывает он сам. Ему следовало бы остаться здесь подольше, чтобы приобрести более сильный ритм для своего возвращения. Но это моя собственная идея. Меня так интересует этот мальчик, что мне хотелось бы удержать его, и это, вероятно, влияет на мое мнение.

Вы видите — человеческое нам вовсе не чуждо.

Вы, кажется, хотите спросить меня о чем-то? Попробуйте сказать громко. Я думаю, что услышу.

Да, я чувствую себя гораздо моложе, чем на Земле, и гораздо крепче, и гораздо здоровее. В самом начале я чувствовал себя, как и во время моей болезни, по временам угнетенным, а по временам свободным от угнетения; теперь же — совсем другое! Мое тело почти не беспокоит меня.

Я думаю, что старые люди молодеют здесь до тех пор, пока не возвращаются к своим цветущим годам, и тогда они останавливаются на более или менее долгое время. Вы видите, что я не приобрел все знания. Я успел уже собрать много забытых сведений; но относительно подробностей здешней жизни мне остается многому научиться. Ваша любознательность поможет мне изучить здешние условия, что бы я иначе не сделал еще долго, а может быть, и никогда. По-видимому, и здесь большинство людей не научается многому, и здесь на первом плане — желание преуспевать, как и во время земной жизни.

Да, здесь есть школы, где желающие могут обучаться, но и здесь немного великих учителей. Обыкновенные же здешние профессора не обладают высшей мудростью, совершенно так же, как и на Земле.

Письмо 12 Мир первообразов

Мне нужно сделать добавление к тому, что я говорил, когда старался объяснить вам, что все, встречающееся здесь, существует и на Земле. С тех пор я узнал, что это не совсем верно. Здесь есть различные слои. Я это узнал только недавно. Я и до сих пор думаю, что в слое, ближайшем от Земли, все, или почти все, существует и на Земле в плотной материи. Но если удалиться подальше от Земли (как далеко, я не могу определить земной меркой), можно достигнуть сферы образцов или — если можно так выразиться — первообразов вещей, которые возникнут на Земле. Я видел формы вещей, которые, насколько я знаю, не существовали на вашей планете, например, будущие изобретения. Я видел крылья, которые человек может приспособить к себе. Я видел также новые формы летательных снарядов. Я видел модели городов и башен со странными, похожими на крылья проекциями, употребление которых мне совершенно непонятно. Прогресс механических изобретений, очевидно, еще только начался. В другой раз я продвинусь дальше в этом мире образцовых форм и посмотрю, нельзя ли проникнуть еще дальше.

Но имейте в виду: я рассказываю вам совершенно так же, как рассказал бы путешественник о вещах, которые он видит впервые. Иногда мои объяснения могут быть неверны.

Когда я был в области, которую мы будем называть миром первообразов, я не встретил там никого, кроме одного случайного путника, вроде меня. Я делаю из этого естественное заключение, что только немногие, покидающие Землю, посещают эту область. Я вывожу из всего, что видел, и из общений с душами, перешедшими сюда, что большинство из них не удаляются очень далеко от Земли.

Очень странно, а между тем я видел людей, которые воображают себя в обстановке настоящего ортодоксального рая, они поют в белых одеяниях с венцами на голове и с арфами в руках. Не принадлежащие к ним называют эту область «небесной страной».

Рассказывали мне, что существует также и огненный ад, чуть ли не с запахом серы, но до сих пор я не видел его. Когда я буду сильнее, я постараюсь добраться до него, и, если это не слишком мучительно, я проберусь и дальше — если меня туда пустят.

В настоящее время я перехожу с места на место, и до сих пор я еще не изучил основательно ни одной области.

Я взял мальчика, которого, кстати сказать, зовут Ляйонель, вчерашний день с собой. Может быть, следовало бы сказать «вчерашнюю ночь», так как ваш день — наша ночь, когда находимся на вашей стороне. Вы и твердая земля находитесь в центре нашей большой сферы.

Я взял мальчика с собой для того, что вы назвали бы «прогулкой».

Прежде всего мы отправились в старый квартал Парижа, где я жил в прежней жизни; но Ляйонель ровно ничего не видел, и когда я ему указывал на некоторые строения, он спросил

меня совершенно искренне, не вижу ли я их во сне. Вероятно, у меня есть способность, которая развита не во всех жителях астральной страны. Так, когда Ляйонель нашел, что Париж — мое воображение (сам он жил в Бостоне), тогда я отправился с ним в «небесную страну». Ее он сейчас же увидел и сказал: «Это, должно быть, то самое место, про которое мне рассказывала бабушка. Но где же Бог?»

Этого я не мог сказать; но тут мы увидели, что все смотрят в одном направлении. Мы тоже стали смотреть вместе с другими и увидели большой свет, подобный солнцу, только свет был мягче и не так ослепителен, как у материального солнца.

— Вот, — сказал я мальчику, — что видят те, кто видит Бога.

А теперь я должен сказать вам нечто очень оранное: пока мы смотрели на этот свет, между ним и нами начала медленно образовываться фигура, какую мы на Земле привыкли называть Христом. Он смотрел с нежностью на людей и протянул к ним Свои руки. Затем Его образ изменился, и на Его правой руке оказался ягненок, а затем Он стоял как бы преображенный на горе; после этого Он заговорил и начал учить их, мы могли слышать Его голос. А затем Он исчез, и мы перестали видеть его.

Письмо 13 Реальные и нереальные формы

Когда я впервые перешел сюда, я был так заинтересован всем виденным, что не расспрашивал, как следует относиться к видимому; но позднее я начал замечать разницу между предметами, которые на поверхностный взгляд кажутся из одной и той же субстанции. Так, я начинаю видеть разницу между тем, что несомненно существовало на Земле, как, например, форма мужчин, женщин и детей, и между другими вещами, которые, хотя и видимы и кажутся осязаемыми, но, тем не менее, должны быть, вероятнее всего, мыслеобразами.

Эта мысль пришла ко мне, когда я смотрел на драмы, разыгрываемые в «небесной стране», и она снова явилась ко мне еще с большей силой, когда я делал недавно исследование в той области, которую я называл «миром первообразов».

Позднее я буду, вероятно, различать и тот, и другой вид с первого взгляда. Например, если я встречу здесь существо, или что мне покажется существом, и мне скажут, что это известный герой романа, вроде Жана Вальжана Виктора Гюго, я буду иметь основание думать, что это — лишь мыслеобраз, но настолько жизненный, что он кажется настоящим существом в этом мире разреженной материи. Но до сих пор я еще не встречал таких героев.

Таким образом, пока я не удостоверюсь, что встреченное существо слышит меня и может отвечать мне или другим, которые обращаются к нему с беседой, — я не могу окончательно решить, что оно действительно существует. Отныне я буду исследовать всех, встречающихся мне. Герой романа или иное создание мысли, как бы живо оно ни казалось, не может отвечать на вопросы, ибо не имеет души, не имеет реального центра сознания.

Когда я вижу странную форму дерева или животного и могу его осязать, ибо чувства действуют здесь совершенно так же, как и на Земле, я знаю, что она существует в топкой материи астрального плана.

Я думаю, что все существа, которые я видел здесь, реальны; но если я встречу такое, которое не смогу осязать и которое не сможет отвечать на вопросы, — тогда у меня будут данные для моей гипотезы, что частицы материи, из которых составляются мыслеобразы, имеют достаточную степень сцепления для того, чтобы казаться реальными.

Несомненно, что нет духа без субстанции, и нет субстанции без духа, скрытого или выраженного; но нарисованный человек может же казаться на далеком расстоянии самим человеком.

Могут ли здесь существовать сознательно преднамеренные мыслеобразы? Я думаю, да. Такая форма мысли должна быть очень интенсивна для того, чтобы сохраняться на продолжительное время.

Письмо 14

Фолиант Парацельса

Недавно я попросил моего Учителя показать мне архивы, где могли бы записываться

Возможно, что я скажу еще более об этом в другой раз, а теперь я должен отдохнуть.

Письмо 15

Римская тога

Особенно интересным делает для меня эту страну отсутствие условностей. Здесь нет двух людей, одетых одинаково, — или нет, это не совсем точно, но очень многие одеваются так необыкновенно, что их наружный вид придает здешнему миру большое разнообразие.

Моя собственная одежда похожа на ту, что я носил на Земле, хотя раз, в виде опыта, остановившись мысленно на одной из своих прежних жизней, я облекся в одежду того времени.

Здесь ничего не стоит приобрести нужную одежду. Я не могу сказать, каким образом я приобретал то, что меня облекло при переходе сюда; но когда я начал обращать на эти вещи внимание, я увидел себя одетым так же, как и прежде.

Здесь много таких, которые носят костюмы древних времен. Но я не вывожу из этого, что они были все эти истекшие века здесь.

Может быть, они носят такую одежду потому, что она им нравится.

Как общее правило, большинство остается вблизи от тех мест, где они жили на Земле; но я предпочел скитаться с самого начала. Я быстро передвигаюсь из одной страны в другую. Одну ночь (у вас это — день) я могу отдыхать в Америке, другую ночь — в Париже. Я нередко отдыхал на диване в вашей гостиной, а вы не знали, что я был там.

Хотя думаю, что вы, наверно, почувствовали бы мое присутствие, если бы я оставался так же долго около вас в состоянии бодрствования.

Но не подумайте из этого, что там необходимо прислоняться во время отдыха к твердой материи вашего мира. Совсем нет. Мы можем отдыхать на тонкой субстанции нашего собственного мира.

Однажды, после моего переселения сюда, я увидел женщину в греческом костюме и спросил, откуда она достала его. Она сказала, что сделала его сама. На мой вопрос — как? — она ответила:

— Я просто сделала образец в уме, и он превратился в мою одежду.

— Как вы его скрепляли? Застежками?

— Не совсем так, как это делается на Земле.

Тогда я взглянул пристальнее на нее и увидел, что ее одежда состояла из одного куска, подхваченного на плечах булавками с разноцветными камнями.

После этого я сам стал пробовать создавать вещи. Тогда-то мне и пришла идея облачиться в римскую тогу, но я никак не мог припомнить, какой у нее вид.

Когда вслед за тем я встретил своего Учителя и сказал ему о своем желании, он научил меня, как создавать одежду по своему вкусу: нужно представить себе ясно образец одежды, сделать его для себя видимым, а затем — силой желания облечь тонкой субстанцией ментального мира этот воображаемый образец. И тогда возникнет желаемая одежда.

— В таком случае, — сказал я, — субстанция ментального плана, как вы это называете, не та же самая, из какой состоит мое тело?

— В конечном анализе, — ответил он, — материя одна и та же в обоих мирах; но в быстроте вибраций и в разреженности большая разница.

Субстанция, из которой сделана наша одежда, кажется очень тонкой, тогда как тела наши представляются довольно плотными. Мы совсем не чувствуем себя прозрачными ангелами, сидящими на влажных облаках. Если бы не быстрота, с которой я переносюсь через пространства, я готов иногда думать, что мое тело так же плотно, как и прежде.

Я нередко могу видеть вас, и для меня вы кажетесь прозрачной. Я думаю, что это опять тот же вопрос о приспособлении к окружающей среде.

Вначале мне было трудно приспособлять количество энергии, необходимой для каждого

определенного действия. Так, например, когда я вначале хотел подвинуться на короткое расстояние, — скажем, на несколько ярдов, — я оказывался за целую милю, до того мало усилия требует здесь передвижение, но в настоящее время я уже приспособился.

Я решил запастись большим количеством энергии для очень деятельной жизни на Земле, когда я снова вернусь туда. Здесь же самая трудная задача для меня — это писать посредством вашей руки; вначале это брало все мои силы, но теперь я чувствую все меньше сопротивления с вашей стороны, и мне приходится употреблять все меньшее усилие. И все же я не мог бы писать без перерыва, не употребляя в дело вашу жизненную силу, а этого я не хочу.

Вы, вероятно, заметили, что перестали утомляться после писания, как вначале.

Но я заговорил об отсутствии условностей в нашем мире. Мы приветствуем друг друга, но только когда хотим. Хотя я видел несколько старых женщин, которые боялись говорить с незнакомыми, но, вероятно, они были очень недолго здесь и еще не отделались от земных привычек.

Письмо 16

Та вещь, которую нужно забыть

Мне хотелось бы сказать слово тем, кто приближается к смерти. Мне хотелось бы просить их забыть, как можно скорее, о своих физических телах после той перемены, которую они зовут смертью.

О, это ужасное любопытство, заставляющее смотреть на ту вещь, которую мы принимали когда-то за себя! Оно возвращается от времени до времени с такой силой, что заставляет нас действовать как бы против воли и притягивает нас к ней, к этой вещи. Некоторыми оно овладевает подобно страшной одержимости, и они не могут освободиться от нее, пока остается малейший остаток плоти на тех костях, которые служили для них когда-то поддержкой.

Скажите им, чтобы они отбросили от себя всякую мысль о своем теле и переходили бы свободными в новую жизнь. Смотреть назад на прошлое бывает иногда очень полезно, но только не на эти разлагающиеся остатки прошлого.

Видеть в гробу возможно потому, что тело, которое мы носим теперь, светится в темных местах и в состоянии проникать через плотную материю. Я сам это делал, но решил никогда не возвращаться и не смотреть на это.

Я не хочу потрясать или огорчать вас — я хочу дать вам предупреждение. Это зрелище очень печальное, и возможно, что от многих душ, только что перешедших сюда, оттого и веет такой печалью. Они снова и снова возвращаются к тому месту, которого они не должны бы посещать.

Нужно вам знать, что когда мы усиленно думаем о каком-нибудь месте, мы немедленно переносимся туда. Наше здешнее тело так легко, что оно способно следовать за мыслью почти без всякого усилия. Скажите им, чтобы они не делали этого.

Однажды, проходя по аллее, — ибо у нас тоже есть деревья — я встретил высокую женщину в длинной черной одежде. Она плакала — ибо у нас тоже есть слезы. Я спросил ее, о чем она плачет, и она посмотрела на меня с невыразимой печалью.

— Я сейчас смотрела на это, — сказала она.

Мое сердце болело за нее — я знал, что она чувствует. Потрясение, которое испытываешь при первом посещении, повторяется снова и снова, ибо эта вещь становится все менее похожа на то, чем мы представляли себя при жизни.

Мне часто хотелось, из чистого научного интереса, спросить Ляйонеля, не возвращался ли он к своему телу; но я не спросил из боязни внушить ему эту идею. Он полон такой беспокойной любознательности. Очень возможно, что у тех, которые переходят сюда в детском возрасте, меньше этого вредного влечения, чем у нас.

Нам следовало бы помнить во время земной жизни, что эта наша внешняя форма вовсе не мы сами, и тогда мы не придавали бы ей такого преувеличенного значения.

Как общее правило, пробывшие здесь очень долго совсем не кажутся старыми. Я узнал от моего Учителя, что после некоторого времени старый человек забывает, что он стар; в нас заложена склонность оставаться в мыслях молодыми, и это отражается на внешнем виде, так как здесь тела могут воспринимать именно ту форму, которая соответствует нашим мыслям. Закон ритма действует здесь, как и везде; дети вырастают и могут даже достигнуть старости, если их сознание ожидает такую перемену; по большей части здесь встречаются люди во цвете лет, ибо существует склонность или достигать расцвета, или возвращаться к нему, а затухать в этом состоянии, пока непреодолимое влечение к Земле не возникнет снова.

Большинство здешних жителей не знает, что они жили много раз во плоти. Они воспринимают свою последнюю жизнь более или менее ясно, но все, что было раньше, кажется им подобным сну. Следует всегда сохранять память прошлого как можно яснее; это помогает строить будущее.

Люди, которые представляют себе ушедших друзей мудрыми и всезнающими, были бы очень разочарованы, если бы узнали, что в действительности потусторонняя жизнь есть лишь продолжение жизни на Земле! Если земные мысли и желания направлялись к одним материальным радостям, они, по всей видимости, остаются такими же и здесь. Мне встречались настоящие святые, с тех пор, как я здесь; но они и в земной своей жизни обладали высокими идеалами, здесь же они могут неограниченно жить этими идеалами. Жизнь за пределами смерти может быть так свободна! Здесь нет той механической жизни, которая делает людей такими рабами на Земле. В нашем мире человека задерживают только его мысли. Если они свободны — свободен и он. Но здесь немного людей с моим философским складом. Здесь больше святых, чем мыслителей, так как высочайший идеал большинства людей склоняет скорее к религиозной, чем к философской жизни.

Мне думается, что самый счастливый народ из всех людей, которых я здесь встречал, это живописцы. Субстанция здешнего мира так легка и пластична, что она необыкновенно легко складывается в формы, творимые воображением. Здесь есть прекрасные картины. Некоторые из здешних художников стараются передать свои картины внутреннему зрению земных художников, и иногда им это удается; и тогда истинный творец радуется, что его товарищ на Земле схватывает идею и осуществляет ее на полотне.

Не каждый способен видеть ясно, насколько вдохновленный им художник выразил его идею, ибо требуется специальный дар или специальная подготовка, чтобы видеть явления из другого вида материи, но дух вдохновителя улавливает мысль в сознании вдохновленного им художника и таким путем узнает, насколько его идея осуществилась на Земле.

С поэтами то же самое. Здесь создаются прекрасные поэмы, и они впечатлеваются в мыслях земных поэтов. Один из здешних поэтов сказал мне, что это легче достигается с короткими поэмами, чем с эпосом и драмами, для которых требуется продолжительное усилие. Приблизительно то же самое можно сказать и о музыкантах. Когда вы бываете в концертах, где исполняется прекрасная музыка, там вокруг вас, наверное, толпятся духи, любящие музыку и упивающиеся музыкальными гармониями. Земная музыка доставляет здесь много радости. Мы можем слышать ее. Но ни один из здешних любителей музыки не появится в месте, где барабанят и фальшивят. Мы предпочитаем струнные инструменты. Из всех земных влияний звуки достигают легче всего в эту область жизни. Скажите это музыкантам.

Если бы они могли слышать нашу музыку! Я не понимал музыки на Земле, но теперь мой слух приспособился. И мне кажется, что вы должны слышать нашу музыку так же, как мы вашу.

Вы, может быть, интересуетесь знать, где я бываю. Я очень люблю одно прелестное место в деревне, на склоне горы, недалеко от моего собственного города. Там вьется тропинка вокруг холма, и над самой дорогой стоит хижина. Иногда я остаюсь там подолгу и слушаю журчанье ручья, сбегаящего с горы; высокие стройные деревья стали как братья для меня. Вначале я неясно различаю физические деревья; тогда я вхожу в маленькую хижину и ложусь на деревянную скамью, прислоненную к стене. Я закрываю глаза и особым усилием, или, вернее, устремлением, делаюсь способным видеть мое любимое место. Но нужно прибавить,

что это происходит в ночное время, когда мое тело излучает свет. При ярком солнечном освещении мы совсем не можем видеть, наш свет угашается резким солнечным светом.

Однажды я взял Ляйонеля с собой и оставил его в хижине, а сам удалился на некоторое расстояние. Взглянув на хижину, я увидел, что вся она светится необыкновенно красивым сиянием — сиянием самого Ляйонеля. Маленькое строение с остроконечной крышей имело вид жемчужины, освещенной внутри. Это было очень красиво.

После этого я пошел к Ляйонелю и сказал ему, чтобы он в свою очередь отошел в сторону, а я занял его место в хижине. Меня интересовало, увидит ли он то же самое.

Когда он вернулся ко мне, я спросил его, что он воскликнул:

— Какой вы удивительный человек, отец! Как это вы сделали, что вся хижина светилась?

Тогда я убедился, что и он видел то же самое, что видел я.

Но сейчас я устал и пожелаю вам доброй ночи и приятных сновидений.

Письмо 17

Вторая жена

Меня часто призывают, чтобы решать различные затруднения. Многие меня называют просто «судья», но обыкновенно каждый сохраняет то имя, которое он носил на Земле.

Мужчины и женщины приходят ко мне, чтобы я решил для них некоторые недоумения, касающиеся этики и других вопросов, приходят даже по случаю ссор. Вы, вероятно, думали, что здесь не ссорятся? Не только ссорятся, но и бывает продолжительная вражда.

Придерживающиеся различных религиозных взглядов приходят нередко в горячие столкновения. Появляясь сюда с теми же верованиями, с какими они были на Земле, и получив возможность лицезреть свои идеалы и реально переживать свои чаяния, люди различных верований становятся здесь еще нетерпимее, чем на Земле. Каждый убежден, что именно он прав, а другой ошибается. Особенно часто это встречается у вновь пришедших сюда. Через некоторое время они становятся гораздо терпимее, сосредоточиваясь внутри своей собственной жизни и наслаждаясь теми доказательствами и осуществлениями, которые каждая душа строит для себя.

Мне хочется дать вам пример, в каких вопросах приходится мне быть здесь «судьей».

Здесь есть две женщины, которые при жизни на Земле были замужем за одним и тем же человеком. Первая женщина умерла, а затем ее муж женился на другой, и вскоре — через год или два — муж и вторая жена оба перешли сюда.

Первая жена считает себя единственной женой своего мужа и следует за ним повсюду. Она утверждает, что он обещал встретиться с ней на небесах. Он же чувствует более склонности ко второй жене, хотя и к первой питает добрые чувства. Но ему надоедает то, что он назвал безрассудным безрассудством. Он сказал мне однажды, что желал бы отделаться от обеих для того, чтобы отдаться спокойно интересующим его изысканиям. Он часто искал моего общества, и обе женщины, не хотевшие расстаться с ним, приходили тоже ко мне. Однажды, когда они подошли ко мне втроем, первая жена задала мне такой вопрос:

— Этот человек — мой муж. Не должна ли эта другая женщина удалиться подальше и оставить его безраздельно мне?

Я спросил вторую жену, что она имеет сказать. Она ответила, что без мужа она будет здесь очень одинокой, и так как она имела его позднее, поэтому он принадлежит более ей, чем другой жене.

Мгновенно вспыхнула в моей памяти сцена между саддукеями и Христом, когда они задали ему подобный же вопрос, и я повторил Его ответ, насколько мог его припомнить: «Восставшие из мертвых не женятся и не выходят замуж, а пребывают подобно ангелам на небесах».

Мой ответ, по-видимому, поразил их, и они отошли, чтобы подумать над ним.

Мои собственные наблюдения над этим вопросом приводят к тому, что различие полов

здесь так же реально, как и на Земле, хотя выражается оно иначе.

Через несколько времени все трое пришли ко мне опять и сказали, что они по-новому пересмотрели свое затруднение: возможно, что эта новая точка зрения была ангельская, так как первая жена решила «предоставить» своему мужу проводить часть времени с той, другой женщиной, если это для него необходимо.

Но дело в том, что у мужа была другая нежная любовь к молодой девушке еще до встречи с обеими женами. Эта девушка тоже умерла, и у мужа явилось сильное желание разыскать ее здесь. Удастся ли ему это, я не могу сказать. Но положение его не из легких, и я думаю, что оно не составляет исключения. Хотя есть способ, посредством которого он мог бы отделаться от настойчивого общества своих жен и обеспечить за собой уединение; но он этого еще не знает. Знающий может уединиться здесь так же, как и на Земле; он может построить вокруг себя стену, через которую его может увидеть только посвященный. Я не открыл этой тайны моему приятелю; но со временем я, может быть, и открою, если для его развития потребуется одиночество. Теперь же, мне кажется, для него полезнее приспособиться к этому двойному праву на него и найти, какая истина лежит в основе его затруднений. Может быть, он узнает, что в действительности, по существу он не «принадлежит» ни одной из этих женщин. Пребывающие здесь души начинают через некоторое время в такой степени любить свободу, что готовы и сами отступить от своих прав и претензий на чужую свободу.

Здесь можно расти, если у человека есть эта потребность; хотя мало кто пользуется этой возможностью. Большинство довольствуется тем, что усваивает земной опыт и земные переживания; и здесь люди теряют благоприятные возможности так, как они делали это во время своей земной жизни. Здесь есть учителя, всегда готовые помочь тому, кто желает их помощи для проникновения в тайны жизни — здешней, потусторонней и теряющейся в далеком-далеком прошлом.

Если человек понял, что его недавнее пребывание на Земле было лишь последним в длинном ряде его жизней, и если он сосредоточит свои мысли на восстановлении в памяти далекого прошлого, он может вспомнить эти жизни. Многие могут думать, что достаточно одного освобождения от материальной завесы, чтобы освободить душу от всякого помрачения; но как на Земле, так и здесь, — все происходит так или иначе не оттого, что оно должно бы быть таковым, а оттого, что оно есть таково.

Мы притягиваем к себе переживания, для которых мы созрели и на которые у нас есть запрос; но большинство душ предъявляют здесь слишком малые запросы, так же, как они это делали на Земле. Скажите им, чтобы они требовали больше, и жажда их будет удовлетворена.

Письмо 18 Индивидуальные виды ада

Несколько времени тому назад я сообщил вам свое намерение посетить ад; но когда я начал свои исследования в этом направлении, оказалось, что здесь существует множество разновидностей того, что мы называем адом.

Каждый человек строит для себя свой собственный ад.

Да, я уверен, что люди помещают сами себя в ад, что не Бог их туда посылает. Я начал искать ада из огня и серы и не нашел такого. По всей вероятности, Данте видел то же, что и я. Но С)² - ществуют другие, индивидуальные виды ада.

(Писание внезапно остановилось по непонятной для меня причине и более не возобновлялось в этот вечер.)

Письмо 19

Приют любви в небесах

Я встретился с очень интересным человеком после того, как писал с вами. Это — любящее сердце, которое ожидало здесь свою возлюбленную в течение десяти лет.

На Земле ее уверяли, что он умер, и убедили полюбить другого; но она не могла забыть его, так как каждую ночь он встречал ее душу во время сна, каждую ночь она появлялась к нему сюда и иногда могла припомнить, пробуждаясь, все, что он сказал ей во время свидания.

Она сказала ему, что недолго останется в солнцем освещаемом мире и придет к нему

сюда в самосветящийся мир.

Несколько времени тому назад она, наконец, явилась. Он давно поджидал ее и построил из вещества этого мира маленький дом, какой мечтал устроить для нее на Земле.

Он рассказал мне, как однажды ночью, явившись к нему во сне, она заявила, что соединится с ним завтра.

Он был поражен и почти готов остановить ее, так как его смерть была внезапная и очень мучительная, а он боялся страданий для нее. Он всегда охранял ее, стараясь предупредить о каждой опасности; но на этот раз он почувствовал, когда первое потрясение прошло, что она действительно перейдет к нему. Он был очень счастлив.

Здесь он не искал новой любви, ибо, когда покидаешь Землю с одной большой любовью и когда земная возлюбленная не забывает ушедшего, связь может сохраняться на долгое время, не ослабевая. Вы, оставшиеся на Земле, забыли все пережитое здесь и потому не знаете, какое счастье приносит нам ваше воспоминание, не понимаете, как нам тяжело ваше забвение.

Хотя бывает часто, что более всего развиваются в духовности как раз те, которых забывают на Земле любимые люди; но, тем не менее, грустно быть забытым.

Вы вызываете в нас силу, предоставляя нас самим себе; но эта сила дается тяжело, и далеко не все души готовы для того, чтобы воспользоваться вынужденным одиночеством с целью быстрее подниматься по лестнице духовного знания.

Но вернемся к интересующей нас паре. Весь тот день он оставался около нее. Он не мог видеть ее тела, ибо лучи солнца были слишком ярки для него, но после долгого ожидания он почувствовал ее руку в своей руке и, хотя она была невидима для него, он знал, что она здесь. И он заговорил с нею, употребляя земные слова. Но она, казалось, не понимала его. Он заговорил с ней снова, но она все не отвечала, хотя по жестикуляции его руки он знал, что она сознает его присутствие. И так стояли они рука об руку в темноте солнечного освещения: он — способный говорить благодаря своему долгому опыту в мире тонких звуков, она — безмолвная и растерянная, но продолжающая держаться за его руку.

Когда лучи солнца погасли, он начал видеть ее лицо и ее глаза, широко раскрытые и испуганные. Они продолжали оставаться в комнате, в которой лежало ее безжизненное тело. Было лето, и окна были раскрыты. Он старался увлечь ее в простор душистой ночи, которая для них представляла день, но она удерживала его за руку и не хотела удаляться. Под конец ему удалось увлечь ее на некоторое расстояние; теперь она услышала его и ответила.

— Возлюбленный, — сказала она, — которая же из двух я? Я вижу себя — я чувствую себя — и там тоже я. Я словно в двух местах. Какая же из двух — настоящая я?

Он утешал ее словами любви. Он боялся приласкать ее, ибо прикосновение душ чрезвычайно сильно, и он боялся, чтобы она не возвратилась к той покинутой форме и не настала бы новая разлука.

Но хотя она часто приходила к нему во сне, теперь это было иначе, гораздо жизненное, и он почувствовал, что она действительно переступила через великую перемену.

Она продолжала держать его за руку и в то же время не хотела удаляться от «той вещи». Он оставался с ней всю ночь и весь следующий день, когда засияло солнце, и он снова перестал видеть ее.

В течение этого дня друзья его возлюбленной нарушали покой ее тела, проделывая над ним то, что нужно для живых и только тревожит мертвых. Он оставался с ней вторую ночь и второй день. Он слышал рыдания ее огорченных родителей, хотя они не могли видеть ни его, ни свою дочь; но во вторую ночь маленькая собачка его возлюбленной вбежала в комнату, где лежало ее тело, увидела их и начала жалобно визжать. Они оба слышали этот визг. Теперь она яснее слышала, когда он заговаривал с ней.

— Куда увезут они «это»? — спросила она его.

Тогда он вспомнил минуты, когда сам стоял, как зачарованный, около своей безжизненной формы, над которой его возлюбленная проливали горькие слезы. И он начал ее уговаривать удалиться совсем; но ей казалось, что она не может. На третий день она

взволновалась, когда они укладывали в гроб ее тело. В то же время он почувствовал — видеть он не мог — целую толпу, собравшуюся в комнате, и слышал похоронную музыку. Музыка гораздо легче слышать, чем человеческие голоса; для того, чтобы расслышать последние, нужна хорошая подготовка.

В это время ее возлюбленная была в тяжелом волнении, которое передалось и ему; они начали подвигаться медленно — невыносимо медленно, и он сказал ей: «Не огорчайся, они хотят похоронить „это“; но ты в безопасности со мной».

Небеспричинно над домом смерти чувствуется какая-то странная невыразимая тишина, которая не может быть объяснена одной печалью оставшихся. Они чувствуют присутствие души, ушедшей из мира, хотя и не могут видеть ее. Их собственные души оберегают невольно эти первые минуты ее смутения. Перемена не была бы так мучительна, если бы переходящий в иной мир помнил, что это случалось с ним и прежде; но мы так легко забываем. Иногда мы называем землю «Долиной забвения».

В течение последующих дней и недель этот человек оставался около своей возлюбленной, все время стараясь отвлечь от Земли и от «этого», привлекавшего ее так же, как и многих, мучительной тягой.

Я узнал здесь, что души, прожившие долгое время на Земле, отрываются гораздо легче, но этой женщине было около 30 лет, и ей трудно было освободиться даже с помощью своего возлюбленного. Но в один прекрасный день, или ночь, по-вашел

он ввел ее в тот дом, который приготовил для нее на небесах, и они стали жить там. Иногда он покидает ее на короткое время, а иногда она; ибо радость совместного пребывания усиливается здесь так, как и на Земле, благодаря временной разлуке. В течение первых дней она испытывала время от времени голод, и он старался утолить его, предлагая ей различные вещества здешнего мира. Постепенно она отвыкла от Земли и от земных привычек и только изредка, во сне, возвращалась к своим родителям.

Не оставляйте никогда без внимания снов, касающихся умерших людей. Такие сны имеют всегда какой-нибудь смысл. Они передают не всегда верно, ибо дверь между обоими мирами чрезвычайно узка, и мысли часто искажаются, переходя из одного мира в другой. Но не забывайте, что мы все же можем общаться с вами этим путем. Я являлся к вам во сне, стоя за решеткой окруженного стеной сада, в котором вы были заключены. Я улыбался и делал знак, чтобы вы подошли ко мне; но я вовсе не хотел, чтобы вы остались здесь со мной. Я хотел, чтобы вы пришли сюда в духе, хотя для меня легче, чем для вас, переходить в наш мир.

Доброй ночи.

Письмо 20

Человек, нашедший Бога

Мне кажется, нет лучшего способа приобщить вас к здешней жизни, такой необычной для вас, как рассказать вам мои впечатления с мужчинами и женщинами, которых я встречаю здесь.

Я как-то говорил вам, что встречаю здесь больше святых, чем философов, и мне хочется рассказать вам о человеке, который производит на меня впечатление неподдельного святого. Да, здесь есть маленькие святые и большие святые, так же, как есть маленькие и большие грешники.

Однажды я шел по вершине горы. Я говорю «шел», хотя передвижение делается здесь без всяких усилий, но это почти то же самое.

На вершине горы я увидел человека, стоявшего в одиночестве. Он смотрел вдаль, но я не мог видеть то, на что он смотрел. Он был сосредоточен и был в общении с самим собою или с кем-то, кого я не мог видеть.

Я ждал некоторое время. Под конец, глубоко вздохнув, ибо мы дышим здесь, он повернулся ко мне и сказал с доброй улыбкой:

— Не могу ли я вам служить, брат?

Я был смущен, чувствуя, что, может быть, помешал какому-то невидимому для меня

общению.

— Если это не слишком смело с моей стороны, — сказал я, — я бы попросил вас сказать мне, о чем вы думали, стоя здесь и глядя в пространство?

Я чувствовал, что этого не следовало делать; по мое серьезное желание научиться всему, доступному для меня, заслуживало прощения, и меня прощали.

У этого человека было прекрасное лицо без бороды и юношеский огонь в глазах. Одежда его говорила, что он очень мало думает о своей внешности.

Он посмотрел на меня молча и затем сказал:

— Я стремился приблизиться к Богу.

— А что есть Бог? — спросил я. — И где Бог?

Он улыбнулся. Я никогда не видал такой улыбки.

— Бог всюду, — ответил он. — Бог есть.

— Что же он такое? — настаивал я, и снова он повторял, но уже с другим ударением:

— Бог есть.

— Что же вы хотите этим сказать? — спросил я.

— Бог есгь, Бог есть, — повторил он.

Не знаю, каким путем передалось мне значение его слов, может быть, путем симпатии, но в моем сознании внезапно вспыхнуло, что когда он говорил «Бог есть», он хотел выразить полнейшее осуществление Бога, какое только возможно для духа; а когда он говорил «Бог есгь», он хотел этим выразить, что ничего и не существует, кроме Бога.

По всей вероятности, на моем лице отразилось то, что я чувствовал, судя по следующим словам святого:

— Разве вы сами не знаете, что Он есть, и что все, что существует, есть Он?

— Я начинаю чувствовать, *что* вы подразумеваете, — ответил я, — хотя сам я могу чувствовать лишь очень слабо.

Он улыбнулся и ничего не ответил; но во мне роились вопросы.

— Когда вы были на Земле, много думали вы о Боге? — спросил я.

— Всегда. Я очень мало думал о чем-нибудь другом. Я искал Его всюду, но только по временам вспыхивало во мне сознание о Его истинной сути. Иногда, когда я молился — а я молился много — во мне возникал внезапный вопрос: чему ты молишься? И тогда вырывался громкий ответ: Богу! Я молюсь Богу? Но хотя я молился ему ежедневно в течение многих лет, только временами вспыхивало во мне истинное сознание Бога. Но настал час — я был тогда один в лесу — когда пришло великое откровение. Оно пришло не в виде определенных слов, но скорее как безмолвное и безобразное чудо, слишком великое для ограниченной мысли. Я упал на землю и, вероятно, потерял сознание, так как через некоторое время — как долго, я не знаю, — я пробудился и, поднявшись с земли, стал смотреть вокруг. И тогда я постепенно вспомнил пережитое; оно оказалось слишком велико, не по силам моим, когда я его испытывал.

— Выразить в словах это великое, слишком великое для моей смертной природы, я сумел только в таких словах: «Все, что есть, — есть Бог». Это казалось так просто, а между тем эта простота должна включать и меня самого, и всех существ — людей и животных; и даже деревья, и птицы, и реки должны быть частью Бога, если Бог есть все.

— С этой минуты жизнь получила для меня новое значение. Я не мог видеть человеческого лица, чтобы не вспомнить откровения — не вспомнить, что это человеческое существо есть часть Бога. Когда моя собака смотрела на меня, я говорил ей: «Ты тоже часть Бога». Когда я стоял на берегу реки и слушал шум воды, я говорил себе: «Я слушаю голос

Бога». Когда кто-нибудь из моих ближних сердился на меня, я спрашивал себя: «Чем мог я оскорбить Бога?» Когда кто-нибудь обращался ко мне с любовью, я говорил: «Теперь Бог любит меня», и от этого сознания у меня захватывало дух. Жизнь становилась невообразимо прекрасной.

Я был так погружен в Бога и так стремился найти Его, что мало думал о своих ближних и пренебрегал даже теми, которые были всего ближе ко мне; но с этого дня я начал сближаться с моими братьями. И я убедился, что чем больше я искал Бога в них, тем чаще Бог отвечал мне через них. И жизнь становилась все более чудесной и прекрасной.

Иногда я старался передать другим то, что я чувствую, но они не всегда понимали меня. И тогда я начал постигать, что Бог намеренно, по причине, известной Ему одному, скрывал Себя за покровами. Может быть для того, чтобы радоваться, разрывая их? Если так, я решил помочь Ему, насколько у меня хватит сил, и я стремился помочь другим людям познать Бога, насколько я сам познал Его. В течение многих лет учил я людей. Вначале мне хотелось учить всех. Но вскоре я убедился, что это невозможно, и тогда я избрал немногих, которые называли себя моими учениками. Я просил их не говорить, что они мои ученики, но убеждал их передавать другим то знание, которое я давал им. И, таким образом, не я один, а многие приобщались к тому чуду, которое было передо мной раскрыто в тот день, когда я стоял в одиночестве, в лесу, и пробудился к знанию, что Бог *есть*. Бог есть.

Сказав это, святой повернулся и оставил меня со всеми моими неудовлетворенными вопросами. Я хотел спросить его, когда и как он покинул Землю, и какое дело он делает здесь, но он ушел.

Может быть, я увижу его снова когда-нибудь. Но увижу я его или не увижу, он дал мне нечто, что я, в свою очередь, отдаю вам, как он сам хотел отдавать свое знание миру.

Письмо 20

Досуги души

Одна из радостей здешнего бытия состоит в досуге, в возможности мечтать и знакомиться со своей собственной сущью.

Конечно, и здесь много дела; но хотя я и намереваюсь вернуться в земной мир через некоторое время, я чувствую, что здесь у меня будет время для знакомства с собой. Я стремился к этому и на Земле, более или менее; но здесь меньше спроса на меня. Хотя бы облегчение в процессе одевания и раздевания и отсутствие нужды зарабатывать для себя или для других.

Ввиду здешнего досуга я собираюсь в течение нескольких лет не только приобрести общие познания — познакомиться с условиями этого четырехмерного мира, но и пройти в обратном порядке все мои прежние жизни и усвоить все, чему я научился в них. Я хочу сделать полный синтез опытов моего эго, вплоть до настоящего срока, чтобы вывести из этого синтеза, что я могу делать в будущем по линиям наименьшего сопротивления. Я думаю, — хотя я еще не вполне уверен, — что я могу принести с собой многое из этих знаний, когда снова вернусь на Землю.

Я постараюсь известить вас в свое время, когда и, приблизительно, где найти меня. Чего же вы испугались? Это будет еще не скоро. Я мог бы, вероятно, ускорить свое возвращение, но это было бы немудро, потому что я не мог бы вернуться с таким размером сил, какого я хочу.

Так как действие и противодействие противоположны и равны, и «эго» человека способно развивать только определенное количество энергии в данное время, поэтому лучше для меня оставаться в условиях этой легкой материи, пока я не соберу достаточно энергии для того, чтобы вернуться назад очень сильным. Но я не поступлю так, как делает большинство душ: они остаются здесь, пока не устанут от этого мира так же, как раньше они уставали от земной жизни, после чего они устремляются назад почти бессознательно непреодолимой силой ритмического прилива и отлива. Я же хочу руководить этим ритмом.

С тех пор, как я здесь, один из тех, кого я знаю, вернулся на Землю. Он был уже совсем готов, когда я впервые нашел его. Самое странное было то, что он сам не понимал своего состояния. Он жаловался на усталость и на потребность частого отдыха. Это был, по всей вероятности, естественный инстинкт, чтобы подготовиться к верховному усилию еще раз раскрыть двери материи. Легче войти сюда, чем перейти из этого мира в ваш мир.

Я знаю, где теперь находится эта душа: мне сказал Учитель. Меня это удивило, так как человек, о котором идет речь, не должен бы, по моему мнению, интересоваться Учителем. Но кто знает? Возможно, что в ближайшей своей жизни он соприкоснется с их учением.

Но я хотел говорить о здешних досугах. Мне хотелось бы, чтобы и у вас было больше досуга. Я говорю не о лени, но о пассивном состоянии ума, которое имеет такое же значение, как и активное состояние. Только когда вы пассивны, можем мы достигать вас. Если ваше тело и ум постоянно заняты, нам трудно повлиять на вас отсюда. Найдите немного времени, чтобы ежедневно совсем ничего не делать; в таком случае подсознательные части вашего ума начнут работать. Они напомнят вам, что существует внутренняя жизнь, ибо внутренняя жизнь, которая доступна вам на Земле, есть настоящая точка соприкосновения с миром, в котором живем мы.

Я уже говорил вам, что оба мира соприкасаются, и они соприкасаются через внутренний мир. Вы входите внутрь, чтобы выйти наружу. Это парадокс, но парадоксы заключают большие истины. Противоречия — не истины, но парадокс не есть противоречие.

Существует большая разница во времени, в течение которого люди остаются здесь. Вы говорите о тоске по родине. Здесь есть души, которые испытывают такую тоску по Земле. Они иногда возвращаются почти немедленно, но это большая ошибка. За исключением очень молодых, не использовавших энергии, сохранившейся от последней жизни, слишком быстрое возвращение назад лишает душу силы сопротивления.

Как ни странно, но здесь можно встретить таких, которые тоскуют по Земле, вроде того, как некоторые земные поэты и мечтатели тоскуют по внутренней жизни.

Это употребление терминологии «внешний и внутренний» может показаться неясным; но следует помнить, что вам нужно войти внутрь себя, чтобы достигнуть нас, а нам нужно выступить из себя, чтобы достигнуть вас. В нормальном состоянии мы переживаем здесь то, что можно назвать субъективной жизнью. Мы становимся все более и более объективными, по мере того как приближаемся к вашему миру; вы же становитесь все более субъективными, по мере того как приближаетесь к нашему миру. Если бы вы это ясно сознавали, вы могли бы почти во всякое время навещать нас на несколько мгновений — при условии достаточно глубокого проникновения в самого себя.

Спешить не следует, это нужно ясно запомнить. То, что вам не удастся сделать в этом году, вы можете сделать в следующем. Но если вы будете торопиться и постоянно бросаться в разные стороны, вы немногого достигнете в этой работе. Вечное достаточно продолжительна для полного развития человеческого «эго». Она как будто бы предназначена для этой цели. Изречение «Цель жизни есть жизнь» кажется мне очень верным с тех пор, как я имел возможность исследовать вечность с новой точки зрения. Эта точка зрения дает новый взгляд на время и вечность. Я теперь вижу то, чего раньше не видел: что я, в сущности, никогда не тратил времени даром. Даже все мои ошибки были ценной частью моего опыта. Мы теряем, чтобы приобретать снова. Мы вступаем и выступаем из круга силы приблизительно так же, как входим и выходим из жизни, чтобы научиться тому, что в ней и что вне ее. И в этом, как и во всем остальном, целью жизни является сама жизнь.

Не спешите. Человек может вырасти постепенно в силу и знание, или же может взять их усилием. Воля свободна. Но постепенный рост не имеет такого могучего воздействия, как свободное усилие.

Письмо 22

Змей Вечности

Я хочу говорить с вами сегодня о вечности. Пока я не перешел сюда, я никогда не мог

уловить этой идеи. Я мыслил в границах месяцев, годов и столетий. Теперь же я вижу полное протяжение круга. Вхождения в материю и нахождения из нее не более, как сокращения и расширения сердца «эго»; с точки зрения вечности, они, относительно, так же коротки. Для вас земная жизнь кажется долгим периодом. Такой же казалась она и для меня, но теперь она мне не кажется такой.

Часто говорят: «Если бы я мог снова пережить свою жизнь, я поступал бы так-то и так-то». В действительности, нельзя вновь переживать ту же жизнь, как нельзя сердцу вернуться вспять и снова сделать прежний толчок, но можно подготовиться для ближайшей жизни. Предположим, что вы испортили ваше существование. Большинство людей повинно в этом, если смотреть с точки зрения их высшего идеала; но каждый человек, умеющий думать, должен усвоить некоторый опыт, который он и может унести с собой. Он может, вернувшись в солнечный свет другой земной жизни, не помнить подробностей своего прежнего опыта, хотя некоторые люди в состоянии помнить благодаря достаточной подготовке и сосредоточенной воле; но наклонности каждой данной жизни, ее побуждения и желания переносятся почти во всех случаях в следующую жизнь.

Вы должны отвыкнуть от привычки смотреть на настоящую жизнь как на единственную; отвыкнуть от мысли, что жизнь за гробом будет бесконечным существованием в одном состоянии. Вы не смогли бы вынести бесконечного существования в тонкой материи внутреннего мира так же, как не могли бы вечно жить в той плотной материи, в которой вы заключены сейчас. Вы почувствовали бы утомление. Вы не выдержали бы этого.

Овладевайте вполне идеей ритма. Все существа подчинены закону ритма, даже боги, хотя в более грандиозной форме, чем мы, с более значительными периодами прилива и отлива.

Мне не хотелось оставлять Землю. Я боролся до конца, но теперь я вижу, что мой уход был неизбежен. Если бы я начал свою борьбу раньше, я подготовлял бы свое судно для более продолжительного плавания; но когда весь уголь и вся вода вышли, необходимо было войти в гавань.

Возможно снабдить даже маленькую ладью для более продолжительного жизненного странствования, чем назначенные 60-70 лет; но в таком случае нужно быть экономным с углем и не расточать воды. Найдутся люди, которые поймут, что вода есть влага жизни.

Многим не нравится мысль, что жизнь после смерти не есть вечно длящееся движение вперед в духовных мирах; хотя очень мало кто из протестующих имеет понятие, о чем они говорят, когда толкуют о духовных мирах.

Вечно длящаяся жизнь возможна для всех душ — это так; но невозможно двигаться в одном направлении. Эволюция идет по кривой. Вечность есть круг, змей, поглощающий собственный хвост. Пока вы не согласны входить и выходить из плотной материи, вы никогда не научитесь преодолевать материю. Есть люди, которые могут оставаться в ней и выходить из нее по собственной воле и притом настолько, насколько они сами захотят, но это не те, которые убегают от жизни в форме.

Я в прежнее время боялся того, что называл смертью. Здесь есть такие, которые боятся того, что они называют смертью: новое рождение в земной мир. Здесь много таких, которые так же мало знают о ритме, как большинство на нашем берегу. Я встречал мужчин и женщин, которые даже не знали, что они снова вернутся на Землю, которые рассуждают о «великой перемене», как люди Земли рассуждают о смерти и обо всем, что находится по сю сторону, как о «недоказанном и даже не подлежащем доказательству». Как видите, это очень трагично, хотя и нелепо.

Когда я в свое время узнал, что скоро умру, я решил унести с собой и память, и философию, и разум.

А теперь я хочу сказать вам нечто, что, может быть, удивит вас. Есть некто, написавший книгу, озаглавленную «Закон Психических Феноменов», и в этой книге говорится о двух частях ума, которые он назвал субъективной и объективной. Он говорит, что субъективный ум не способен на индуктивное рассуждение, что субъективный ум примет любую посылку, данную ему объективным умом, и, исходя из этой посылки, может рассуждать с

безукоризненной логикой; но что он не может проникнуть за посылку, что он не может рассуждать в обратном направлении.

Теперь я должен напомнить вам, что в том состоянии материи, в котором нахожусь я, люди ведут преимущественно субъективную жизнь, как люди на Земле живут преимущественно объективной жизнью. И так как люди находятся здесь в субъективном состоянии, они и рассуждают, исходя из посылок, уже данных им в течение их объективного существования на земле. Вот почему большинство из проживающих в западных странах, где идея ритма или возрождения не популярна, переходят сюда с установившейся идеей, что они более не вернутся в земную жизнь. Они продолжают рассуждать, исходя из данной им посылки.

Конечно, ваше представление о невидимых мирах не изменит сути вещей. Те, которые не верят в новые рождения, не могут избежать ритма возрождения; но они держатся за свое верование, пока отлив ритма не подхватит их и не заставит погрузиться снова в физическую материку неподготовленными и не уносящими с собой почти никакого воспоминания о жизни в этом мире. Сюда они принесли воспоминания о земной жизни только потому, что ожидали подобного перенесения памяти.

Многие жители Востока, которые всегда верили в перевоплощение, вспоминают свои прежние жизни потому, что они были уверены в возможности помнить их.

Да, когда я понял, что вскоре должен буду покинуть Землю, я наложил на себя зарок. Я порешил сохранить воспоминания одинаково и о моем вступлении сюда, и о моем последующем выступлении отсюда. Конечно, я не могу поклясться, что буду все помнить, когда вернусь снова в физическую материю; но я принял это решение и уверен, что достигну некоторого успеха, если мне только удастся найти подходящую мать. Она будет подходящей, если и ей будет близка мысль о возрождении, и, в особенности, если она знала меня в моей последней земной жизни, чтобы я мог заявить ей в детстве, что я и есть тот самый человек, которого она знала, и чтобы она не журила меня и не загоняла мои воспоминания внутрь своими сомнениями.

Я уверен, что многие дети приносят воспоминания о своей здешней жизни, но что эти воспоминания теряются впоследствии благодаря постоянному внушению, что они впервые видят земной мир, что они вновь созданы и так далее.

Вечность на самом деле неизмерима, и миры, в которых мы живем, заключают в себе несравненно больше того, что может сниться обыкновенным учителям наших детей.

Если бы вы только могли схватить идею бессмертной жизни и крепко держаться за нее! Если бы вы мыслили себя, как *существо* без начала и конца, — вы могли бы начать много нового, стоящего усилия. Это удивительное сознание — уверенность в вечности. Малые трудности кажутся на самом деле малыми тому, кто мыслит о себе в размерах миллионов лет. Можно прибавлять биллионы, триллионы — сколько хотите, — идея останется та же. Цифры являются лишь символом большого количества, будь это годы или денежные знаки. Ни один миллионер не знает в точности, сколько у него денег в данное время; ибо следует причислить и проценты, и потому его стоимость всегда колеблется. То же самое и с бессмертием. Не думайте о себе, что вы прожили миллион или триллион лет, но думайте, что вы воистину бессмертны, без начала и без конца. Человек, сознающий себя богатым, богаче того, который определяет сумму своих денег, будет ли эта сумма велика или мала. Сохраняйте же сознание вечности и работайте в этом сознании.

На сегодня довольно.

Письмо 23

Обращение к защитнику

Скажите вашему другу, беспокоящемуся, что я могу причинить вред, употребляя вашу руку для моих сообщений, что этот вопрос был основательно рассмотрен моим Учителем и мною, прежде чем я решился на этот шаг.

Обыкновенный медиумизм, когда организм более или менее нездоровой земной

личности раскрывается безразлично для каждого духа, и дурного, и хорошего — не имеет ничего общего с вашим положением. В данном случае я, бывший вашим другом на Земле и перешедший сюда раньше вас, возвращаюсь, чтобы передать вам свои знания, приобретенные в посясторонней области.

Я не создаю никаких прорех* в вашей нервной системе, через которые нежелательные и дурные силы могли бы проникнуть и овладеть вами. Кроме того, если бы и была такая попытка, я не допустил бы ее, ибо теперь мне известны средства, благодаря которым я мог бы сохранить вас от того, что называется медиумичностью. Более того, я советую вам никогда, несмотря ни на какие просьбы, не давать своих сил на спиритических сеансах. Странствующие духи так называемого невидимого мира не имеют никакого права проникать в ваш организм только потому, что его внутреннее строение допускает такое вторжение: совершенно так же, как уличная толпа не имеет права врываться в ваш дом только потому, что среди этой толпы есть любопытные, голодные и иззябшие. Не позволяйте этого. Сношение со мной — другое дело: оно исключительно и основано не на личном желании или любопытстве.

* Астральные органы чувств разобщены от физических предохранительной тканью, которая может быть повреждена благодаря искусственному раскрытию психических сил, и тогда влияния из астрального мира могут легко проникать в человека. См. об этом в статье Ч. Ледбитера «Развитие оккультных сил», в № 5-6 «Вестника Теософии» за 1914 год.

Многое изменилось с тех пор, как я начал писать через вас. Вначале я пользовался вашей рукой извне — иногда, как вы помните, с такой силой, что на другой день она болела у вас. Затем, познакомившись с доступными мне средствами, я попробовал другой метод, и вы заметили перемену в характере самих записей. Они начались с неуклюжих больших букв и только постепенно становились яснее и отчетливее, по мере того, как усовершенствовался мой контроль над вашей рукой.

В самое же последнее время я попробовал новый метод. Я проникаю в ваш ум, становлюсь в совершенную телепатическую связь с вашим мышлением, запечатлевая в нем то, что хочу сказать вам. Чтобы писать успешно таким образом, вы должны добиться полной пассивности, погасить ваши собственные мысли и отдаться моим мыслям; но ведь вы делаете это ежедневно, когда читаете интересную книгу. Вы отдаете ваш ум автору, который ведет вас, захваченную и пассивную, по путям его мышления.

Эти опыты усовершенствования способов нашего общения были очень интересны для меня.

Скажите вашему другу, что я не принадлежу к легкомысленным исследователям. В течение своей жизни на Земле я принадлежал к таким исследователям, для которых важнее всего истина, и я никогда не злоупотреблял никаким человеческим существом и, конечно, не начал бы с вас, моего верного друга и ученицы.

Точно так же никогда не позволю я себе вмешиваться в вашу жизнь, в ваши занятия и в вашу работу. Когда я странствовал по Земле, я никогда не считался опасным человеком; мои свойства не изменились оттого, что я переменял одежду.

Мне необходимо нечто передать миру. В настоящее время вы — единственное лицо, способное служить для меня секретарем. Вопрос не в том, нуждаюсь ли я в вашем писании, и даже не в том, хотите ли вы писать, но в той пользе, которую мы можем принести миру. Я думаю, что польза есть. Вы думаете, что она возможна. Такие-то и такие-то выражают свои сомнения и опасения. Помочь этому я не могу, не можете и вы.

Господь с ними! Почему им так хочется накрепко запереть за мною дверь? Я, конечно, не испорчу их потусторонних дел

Несомненно, что и вы не получите иной награды за ваш труд, кроме покачивания премудрых голов и улыбок превосходства, или же уверения научно настроенных людей, что я — ваше собственное «подсознательное мышление».

Нужно только, чтобы вы не огорчались, иначе я не смогу писать через вас. Ваш ум должен быть так же спокоен и невозмутим, как озеро в тихую погоду, иначе не выйдет ничего.

Передайте им мой любящий привет.

Письмо 24

Запрещенное знание

Я прошел за последние дни через многие переживания. Вы никогда не догадались бы, где я был вчера. Я был на похоронах японского императора. Вы не смогли бы переправиться из Парижа в Японию и вернуться так скоро — не правда ли?

Перед отправлением в путь я не знал, что микадо умер. Меня взял с собой мой Учитель, предупредив, что произойдет нечто, что мне следует увидеть.

Его предвидение оправдалось. Я увидел большую душу, освободившую себя самоубийством. Это было грустное и страшное зрелище.

В то время, как я писал это, Учитель приблизился ко мне и посоветовал не говорить больше об этом.

Здесь можно увидеть ужасающие вещи, так же, как и прекрасные. Относительно самоубийств я могу сказать только одно, что если бы люди знали, что ожидает самоубийца, они оставались бы до конца, несмотря на самые тяжелые условия.

Появление Учителя и его совет лишили меня на время желания писать. Я приду позднее.

Через некоторое время

Мне удалось сделать то, что вы желали, — найти мальчика, который недавно утонул.

В то время, как вы смотрели на его портрет, я увидел его отражение в ваших глазах и унес с собой воспоминание о его наружности. Я нашел его в состоянии большого смятения. Когда я заговорил с ним о вас и о вашем желании, чтобы я помог ему, он казался удивленным. Мне удалось оказать ему некоторую помощь, хотя у него есть здесь друг, старый человек, который гораздо ближе к нему, чем я. Я бы на вашем месте не пробовал входить с ним в сношения через меня; он идет по другому пути, и у него здесь надежные друзья. Его состояние требовало отвлечения, и я указал ему на времяпрепровождение, одинаково и приятное, и поучительное для него.

Вы удивляетесь выражению «времяпрепровождение»? Но время существует здесь. Пока есть последовательность, есть и время. Возможно, что придет «время», когда все вещи будут существовать одновременно — прошлое, настоящее и будущее. Но пока прошлое, настоящее и будущее отличаются друг от друга, до тех пор есть и время. Это не более как явление последовательности.

Внутренне, в своей собственной глубине, можно найти место безмолвия, где все вещи кажутся существующими одновременно в гармонии, но как только душа начинает рассматривать вещи в отдельности, немедленно возникает и последовательность.

Слияние со всем есть нечто иное. Для него времени не существует; но как только начинаешь соединять себя с отдельными вещами или сознавать их, немедленно проявляется и время.

Письмо 25

Лишенный тени мир

Я не сразу заметил одну из самых ярких особенностей этого мира. Однажды вечером, подвигаясь медленно вперед, я увидел группу людей, подходящих ко мне. Было очень светло там, где они находились, благодаря тому, что их было так много. Внезапно, глядя на этот свет, мне вспомнилось изречение одной герметической книги: «Где свет наиболее силен, там тени наиболее глубоки»; но, взглянув на эту толпу людей, я увидел, что они не отбрасывают тени. Я окликнул ближайшего из них — это было вскоре после моего перехода сюда, и я обратил его внимание на это странное явление. Он улыбнулся и сказал:

— Вы, вероятно, здесь недавно?

— Да, недавно.

— И вы еще не знаете, что мы освещаем то пространство, где находимся?

Субстанция, из которой состоят наши тела, светящаяся. Как же они могут отбрасывать тень, если свет излучается из них самих по всем направлениям?

— А при солнечном свете? — спросил я.

— О, — ответил он, — при солнечном свете мы совсем не можем быть видимыми. Свет солнца слишком резок, и он погашает свет, исходящий из духов.

Может быть, вас удивит, что я чувствую сейчас теплоту от горящих дров в вашем камине? В горящем дереве есть магия. Сгорание каменного угля производит совсем другое влияние на психическую атмосферу. Если бы человек, не имевший никаких видений и обыкновенно не чувствительный к более тонким ощущениям и к сношениям с невидимым миром, попробовал медитировать в течение одного или двух часов ежедневно перед горящими дровами, его внутреннее зрение раскрылось бы для вещей, о которых он не имел ни малейшего представления.

Жители Востока, которые, поклоняясь своему Богу, зажигают огни, делают мудро, и перед ними открывается многое, невидимое иначе. Огонь горящего воска имеет также магическое влияние, хотя не такое, как горящее дерево. Попробуйте посидеть вечером без другого освещения, кроме восковой свечи, и посмотрите, какие видения появятся из «пустоты».

Я давно вам не говорил о Ляйоиеле. Его теперь интересует больше всего мысль о приискании семьи инженера, в которой он мог бы родиться вновь.

— Почему ты так спешишь покинуть меня? — спросил я его, когда он впервые заговорил об этом.

— Но я и не думаю покидать вас совсем, — ответил он, — я буду приходить к вам во сне.

— Только не в начале, — сказал я ему, — ты будешь как бы в тюрьме, слепой и глухой, в течение долгого времени, и сможешь приходить ко мне сюда, может быть, уже после того, как я снова вернусь на Землю.

— В каком случае, почему же вам не вернуться вместе со мной? — спросил он. — Скажите, отец, почему бы нам не родиться близнецами?

— Эта мысль показалась мне до того нелепой, что я от души рассмеялся; но Ляйонель возразил с полной серьезностью:

— Но ведь существуют же близнецы! Я сам знал двух братьев-близнецов, когда жил в Бостоне.

Но в мой план совсем не входит быть, по возвращении на землю, чьим-нибудь близнецом, и потому я сказал Ляйонелю, что если он желает пользоваться моим обществом, он должен оставаться спокойно там, где находится сейчас.

— Но отчего бы нам не вернуться вместе и быть двоюродными братьями или, по крайней мере, соседями? — настаивал он.

— Может быть, это и возможно, — сказал я ему, — если ты не испортишь всего излишней поспешностью.

Меня удивляет этот мальчик. В нашем мире — безграничные возможности работать в тонкой материи, изобретать и делать опыты; но ему хочется во что бы то ни стало приложить руки к железу и стали. Странно!

Когда-нибудь я попробую привести мальчика к вам перед тем, как вы заснете. Это самое лучшее время для истинных видений. Те, которые появляются во время сна, могут легко смешаться и прийти в беспорядок благодаря вибрациям физической материи, через которые вы проходите, пробуждаясь. Не забудьте мальчика. Я говорил ему, как я пишу посредством вашей руки, и он сильно заинтересовался.

— Почему бы мне не устроить телеграф в этом роде? — спросил он.

Но я посоветовал ему не делать этого, чтобы не подвергать себя риску прервать земную телеграмму, за которую было уплачено.

От времени до времени я беру его с собой в мир первообразов. У него там есть своя собственная маленькая модель, которой он забавляется, пока я исследую другие вещи. Это — модель колеса, которое он приводит в движение электричеством из своих пальцев. Нет, конечно, колесо не из стали, как вы понимаете сталь.

Нужно вам понять, что оба мира состоят из материи, не только обладающей различной быстротой вибраций, но и заряженной различным магнетизмом. Вы знаете, что два твердых предмета не могут занимать одновременно одно и то же пространство; но этот закон не относится к двум предметам, из которых один принадлежит к нашему, а другой — к вашему миру. Как вода может быть горячей и влажной одновременно, так же и квадратный фут пространства может содержать квадратный фут земной материи и одновременно столько же нашей материи.

Нет, не придирайтесь к выражениям! У вас нет названий для той материи, которая существует здесь, потому что вы не знаете о ней ничего. Ляйонель и его электрическое колесо остались бы невидимы для вас, если бы их поставить в эту минуту перед вашим камином. Даже и магия горящего дерева не сделала бы их видимыми, по крайней мере, пока светит дневной свет.

А теперь я должен уйти.

Письмо 26

Круги на песке

Только теперь я начинаю наслаждаться романтичностью здешней жизни. У меня, наверное, всегда был романтический темперамент. Только на Земле было слишком много дела, слишком много обязанностей, чересчур много запросов, обращенных ко мне. Здесь же я совсем свободен.

Вы не можете иметь никакого представления об истинном значении свободы, если вы только не помните последнего своего пребывания в этом мире, в чем я сомневаюсь.

Когда я говорю о «романтичности», я имею в виду очарование бытия, тот магический оттенок, который окрашивает серый лик жизни в розовый цвет.

Очаровательна эта возможность мечтать и осуществлять свою мечту, ибо здесь осуществление одновременно с возникновением мечты. Все здесь так реально, воображение так могуче, и способность соединять явления так велика — почти безгранична!

Мечтатели здесь никогда не бывают праздны, ибо наши мечтания — своего рода строительство; а если бы этого даже не было, мы имеем право делать, что нам вздумается. Мы заслужили свои вакансии. Труд у нас впереди.

Поймите, на Земле тратится больше энергии, чтобы поставить одну тяжелую ногу впереди другой тяжелой ноги и продвинуть весящее около двухсот фунтов тело на одну милю, чем здесь требуется для того, чтобы обойти весь свет! Это даст вам понятие о том избытке энергии, который мы имеем здесь для того, чтобы радоваться и строить грезы.

Очень возможно, что вы на Земле работаете слишком много — более, чем это действительно необходимо. Все это множество ненужных вещей, которые вы нагромождаете вокруг себя, искусственные нужды, которые вы создаете, головокружительный темп ваших жизней, чтобы добыть все эти вещи, кажутся здесь чем-то нелепым и даже жалким. Ваша политическая экономия не более как детская игра, ваши государственные учреждения — хитроумные машины для делания ненужных вещей, большая часть вашей работы бесполезна, и вся ваша жизнь была бы почти бесплодной, если бы вы не страдали настолько, чтобы ваши души познали, хотя и против воли, что большая часть их стремлений тщетна.

Как я сам потел и стонал в свое время, чтобы начертить мой маленький круг на песке! А теперь я понимаю, что если бы я давал себе более времени для размышления, я, вероятно, восстановил бы часть прежнего знания, добытого в других жизнях; и хотя я все же был бы

вынужден начертить этот мой круг на песке, я сделал бы это несравненно легче и вдвое быстрее.

Здесь, если мне вздумается, я могу проводить целые часы, следя, как изменяются цвета на облаке. Или, еще лучше, я могу лежать на спине и вспоминать. Это так интересно — посылать свои мысли назад, год за годом, жизнь за жизнью, столетие за столетием, назад и все назад, пока не увидишь себя... черепахой! Но можно также смотреть вперед, все выше и выше, жизнь за жизнью, столетие за столетием, эон за эоном, пока не узнаешь себя — в архангеле. Глядение назад есть память, глядение вперед есть творчество. Несомненно, мы творим свое собственное будущее. Кто бы, кроме нас, мог сделать это? На нас влияют, нас двигают и толкают, нам помогают и нас задерживают другие; но только мы сами куем цепи нашего существования. Мы завязываем узлы, которые впоследствии придется развязывать, и часто с таким трудом и недоумением.

Пробегая назад мои прежние жизни, я мог понять все поводы и причины моей последней жизни. В некотором отношении она была самая неудовлетворительная из многих жизней — исключая одной; а теперь я понимаю ее цель, понимаю, что я набрасывал планы для нее, когда был в последний раз здесь. Я даже влиял на то, чтобы жить там с друзьями, которых я встретил здесь.

Но теперь я подошел к новому повороту дороги и начал снова восхождение вверх. И я снова набрасываю линии моего ближайшего существования, хотя я совсем не тороплюсь. Господь с вами! Я совсем не хочу уходить, пока не исчерпаю всю чашу свободы и радости здешнего существования.

Также и научиться здесь можно многому. Я хочу восстановить то, чему я научился в тех позабытых, а теперь восстановленных жизнях.

Не вспоминается ли вам, как во время школьных занятий вам приходилось иногда повторять уроки предыдущих недель или месяцев? Этот обычай основан на верном принципе. У меня теперь как раз такое повторение уроков. Понемногу, прежде чем вернуться в ваш мир, я сделаю обзор всем этим повторениям, запечатлевая силою воли те воспоминания, которые мне особенно хотелось бы унести с собой. Было бы совершенно невозможно перенести в неприкосновенном виде огромную панораму переживаний, которая разворачивается теперь перед глазами моей памяти; но в ней есть несколько основных вещей, философских принципов и иллюстраций, которые я не должен забывать. Точно так же мне хотелось бы унести с собой знания некоторых формул и привычку к некоторым упражнениям, которые вы, может быть, назвали бы оккультными, посредством которых, когда я достигну зрелого возраста в моем новом теле, я мог бы вызывать в памяти те самые картины прошлого, которые теперь разворачиваются передо мной каждый раз, когда я того хочу.

Нет, я не скажу вам ничего про ваше прошлое. Вы можете и должны восстановить его сами. Каждый может это, кто сознает разницу между памятью и воображением. Да, разница тонкая, но она так же реальна, как разница между «вчера» и «завтра».

Я вовсе не желаю, чтобы вы спешили переходить сюда. Нет, оставайтесь, где вы есть, как можно дольше. Многое, что мы делаем по сю сторону, вы могли бы делать так же хорошо, оставаясь в теле! Конечно, вам придется употребить больше энергии, но ведь энергия и существует для того, чтобы ее употреблять.

Даже когда мы накапливаем ее, мы ее накапливаем только для будущего употребления. Не забывайте этого.

Одна из причин, почему я так много отдыхаю, мечтаю и наслаждаюсь здесь, — та, что я хочу накопить как можно больше энергии, чтобы вернуться с большими силами.

Это хорошо, что вы приняли к сердцу мой совет оставаться по временам без дела и знакомиться со своей собственной душой. Много неожиданностей впереди у того, кто решается добровольно исследовать свою душу. Душа не есть блуждающий огонек; она маяк, помогающий избегать подводных скал материализма и забвения.

Я испытал много радости, пробегая назад свои греческие воплощения. Какое сосредоточение было у этих греков! Они знали очень много. Например, воды Леты — какая

это глубокая концепция, принесенная с этого берега могучей памятью!

Если бы человек не переставал стремиться вспоминать, если бы он посвящал время на анализ того, что было, можно бы надеяться на более значительное будущее для него! Разве вы не знаете, что человек может стать Богом, или тем, что по сравнению с обыкновенным человечеством обладает всеми признаками и величием Бога? «Вы боги» — было сказано не только в иносказательном смысле.

Я видел здесь Учителя из Галилеи и имел общение с Ним. Вот кто был человеком и Богом одновременно! Мир снова нуждается в Нем!

Письмо 27

Магическое кольцо

Вам было бы очень трудно представить себе по одним моим словам разницу между вашей жизнью и нашей. Начиная с различия субстанции, и не только субстанции наших тел, но и субстанции окружающих нас естественных предметов.

Вас поражает выражение «естественные предметы» в применении к этому миру? Может быть, вы воображаете, что мы превзошли Природу? Но нет существа и явления вне пределов ее. Даже Бог не составляет исключения. Природа есть.

Представьте себе, что вы провели шестьдесят или семьдесят лет в теле, которое упорно склонялось к ожирению, становилось неподвижным и ревматическим до потребности ложиться от времени до времени в постель для более или менее удачной починки. А затем представьте, что вы внезапно переменили это тяжелое тело на легкое и эластичное. Можете вы себе представить это? Должен сознаться, что для меня это было бы очень трудно еще недавно.

Облекшись в эту легкую форму, которая светится достаточно сильно, чтобы освещать пространство вокруг себя, когда ее не погашает более резкий свет солнца, вообразите себя переносимой с места на место, от одного человека к другому, от одной идеи к другой. С течением времени даже привычка к питанию замирает постепенно. Нам более не надоедают голод и жажда; хотя я, например, и до сих пор подкрепляюсь от времени до времени легкой пищей, которую можно назвать микроскопической в сравнении с мясными обедами, которые я истреблял на Земле.

А затем, нас более не мучает тысяча и одна мелких земных обязанностей. И к тому же здесь более доверия к настроению другой души. Обязательства здесь не в обычай — я говорю о связующих обязательствах. Обыкновенно — хотя бывают и исключения — желания бывают взаимны. Когда мне хочется увидеть друга, в это же время и он испытывает желание быть со мной, и нас, естественно, несет друг к другу. Общенья здесь необычайно прекрасны, но и одиночество бывает также полно очарования.

По прошествии первых двух или трех месяцев я более не чувствовал себя одиноким. Первое время напоминало мне рыбу, вынутую из воды. Почти все испытывают это, кроме разве духовных людей, которые не связаны земными цепями или земным честолюбием. Я так сильно боролся с идеей умирания, что мое новое состояние казалось мне вначале бедствием, и я носился кругом под впечатлением, что буду терять ценное время, которое могло бы быть с пользой употреблено в борьбе и напряжении земной жизни.

Ко мне на помощь явился Учитель; но и он был слишком мудр, чтобы нянчиться со мной даже и в самом начале. Он напомнил мне несколько основных принципов и предоставил применять их самому; постепенно, по меру того, как я овладевал этими применениями, я овладевал и собой. И только после этого начала заниматься передо мной вся красота и все чудо моего нового состояния, и я понял, что вместо потери времени я приобретал огромный опыт, который послужит мне впоследствии.

Я входил здесь в общение со многими людьми, людьми всех ступеней умственного и нравственного развития, и должен сознаться, что человек с совершенно ясной идеей об истинном значении жизни и о возможностях эволюции встречается здесь так же редко, как и на Земле. Нет, мы не делаемся внезапно всемудрыми только потому, что меняем ткань своего тела.

Человек, бывший тщеславным на Земле, окажется тщеславным и здесь, хотя в последующей своей жизни самый закон реакции — если он перешел меру тщеславия — может послать его назад скромным и даже застенчивым человеком, на время, по крайней мере, пока реакция не истощится.

Я часто жалел людей, которые проявлялись в жизни как рабы деловой рутины. Многие из них не могут отделаться от этого и здесь, и вместо того, чтобы наслаждаться, они снова и снова возвращаются к своим старым «делам» и тратят время над различными задачами, тактическими или финансовыми, пока не приходят почти в такое же изнеможение, как до своей «смерти».

Как вам известно, здесь есть учителя. Немногие достигают размера моего собственного Учителя; но многие берут на себя помогать вновь появившимся душам. Помощь предлагается всем, хотя принимается эта помощь не всегда. В таком случае она предлагается снова и снова, ибо те, которые жертвуют собой для других, делают это без надежды на признание или награду.

Если бы я вздумал писать ученый трактат о посюсторонней жизни, я начал бы совсем иначе. Прежде всего, я отложил бы свою работу лет на десяток, пока все мои факты не были бы распределены по местам и снабжены ярлыками; а затем я начал бы с самого начала и продиктовал бы вам книгу такую скучную, что вы заснули бы над ней, и мне пришлось бы подталкивать вас от времени до времени, чтобы вы подобрали выпавший из вашей руки карандаш. Вместо того я решил писать вскоре после прихода сюда, и мои письма — действительно письма путешественника из чужой страны. Они передают его впечатления, иногда е

Страница отсутствует

Страница отсутствует

Страница отсутствует

Страница отсутствует

через нес, или прикасаться к ней и говорить, и смешивать свой магнетизм с ее магнетизмом? Вы содрогаетесь, но это содрогание было бы куда сильнее, если бы вы видели то, что вижу здесь я.

Кроме того, тут есть еще другой разряд существ, которых теософы называют «элементалиями». По поводу этих элементалей было написано много вздора; но вы можете принять за факт, что в этом мире есть единицы энергии и сознания, которые соответствуют довольно точно тому, что теософы понимают под элементалиями. Эти сущности, в общем, не особенно развиты; но так как земная жизнь представляет собой ступень, к которой они стремятся, и так как это — ближайшая неизбежная стадия их эволюции, то естественно, что они испытывают к ней сильнейшую тягу.

Поэтому не будьте слишком уверены, что стучащий в ваш письменный стол или в другую вашу мебель еег непременно дух вашего усопшего дедушки. Это может быть не более как слепая и очень жаждущая сущность, устремляющееся сознание, пробующее воспользоваться вами, чтобы ускорить свою собственную эволюцию, желающее проникнуть в вас, чтобы через вас испытать земные вибрации.

Возможно, что эта слепая сущность не повредит вам, но может случиться, что вред от нее будет большой. Поэтому лучше не поощрять их попыток проникать через покров, который отделяет вас от них, ибо покров этот тоньше, чем вы думаете, и хотя вы не можете сквозь него видеть, вы можете чувствовать через него.

Высказав это, я считаю свой долг исполненным, и возможно, что в следующий раз расскажу вам что-нибудь более интересное; ибо я часто чувствую себя подобно астральной

Ша- херезаде, переживая ее сказочные ночи! Но боюсь, что ранее, чем исполнится тысяча первая ночь, я уже не буду здесь. Нет, я не предполагаю снова «умереть» в другой мир; но когда я передам вам то, что мне хотелось бы сообщить о здешней жизни, я намереваюсь исследовать другие планеты, если это мне будет разрешено.

Иногда я чувствую себя как молодой человек, получивший большое наследство, а с ним и неограниченную возможность путешествий. И хотя он может остаться дома на некоторое время, чтобы устроить свои дела и приспособиться, так сказать, к открывшейся перед ним новой свободе движений, все же время придет, когда он захочет попробовать свои крылья. Надеюсь, что моя метафора неплохая? Если да, то вы можете включить ее в издание моих писем.

Письмо 30 Задача из небесной математики

По той живости, с которой вы иногда чувствуете мое присутствие, вы можете судить об интенсивности той жизни, которой я живу. Нет, я не похож на бледное привидение, от которого несет могильной сыростью. Я совершенно реален и так же цел и невредим — по крайней мере, мне так кажется, — как во время моей земной жизни, когда меня облекала более или менее нездоровая плоть и кровь.

Это очень хорошо, что вы не имели «сообщений с тем миром». Было бы очень несообразно, если бы вы боялись меня. Но другие могли бы испугаться, если бы они чувствовали мое присутствие так, как чувствуете его вы.

Однажды я постучался в двери комнаты моего земного друга со слабой надеждой, что он встретит меня приветливо. Он выскочил из постели, потом снова вскочил в нее и с явной тревогой натянул на свою голову простыни. Он настоящим образом испугался при мысли, что это могу быть я! Не желая быть причиной разрыва сердца или такого потрясения для волос моего друга, чтобы они — как поется в старой песне — «поседали в одну ночь», я тихонько удалился. Наверно, он убедил себя на другой день, что за панелями появились мыши.

Но так как вы знаете меня лучше, мне доставляет истинное удовольствие приходить к вам, чтобы потолковать по душам. «Старый друг лучше новых двух», и общество духов совсем не удовлетворило бы меня, если бы все, кого я раньше знал и любил, повернулись ко мне спиной.

В последнее время я поставил перед собой вопрос: к чему я должен стремиться здесь, и чего я желаю? Год назад я ответил бы: «Силы», но теперь мой ответ иной, я отвечаю себе: «Знания»,

Страница отсутствует

Пока он поджидал все эти годы, он держал себя пробужденным силою ожидания; пока ей приходилось оставаться без него на Земле, она все время думала о нем, и таким образом полярность поддерживалась. Теперь они имеют друг друга; они остаются в том «домике», который он построил для нее из тонкой субстанции здешнего тонкого мира; они видят лица друг друга, все равно — смотрят ли они внутрь себя или наружу; они удовлетворены; им нечего более достигать — так они говорят друг другу — и поэтому они погружаются снова в состояние субъективного блаженства.

На это состояние блаженства, на это его, так сказать, пережевыванье, они имеют право. Никто не может отнять его у них. Они заслужили его своей деятельностью, оно — их, по закону ритмической справедливости. Они будут им наслаждаться в течение долгого времени. Они, думается мне, будут снова и снова проходить через прежние переживания, которые они испытывали совместно и порознь. А затем придет день, когда один из них почувствует пресыщение от всей этой сладости; мускулы его или ее души потребуют напряжения, от недостатка упражнения захотят вытянуться. У него или у нее появится астральный духовный зовок и — под действием закона реакции — он или она перешагнут через грань этого мира.

Куда же уйдут он или она, спрашиваете вы? Конечно, на Землю.

Представим себе ее или его, пробудившимся из этого субъективного состояния

блаженства, которое им представляется как достижение, и вообразим себе, что он или она удалились на короткую прогулку в благословенном и целительном одиночестве. И тогда, с чем-то вроде легкого чувства, какое у людей бывает в глазах и в сердце ранним утром, он или она притянется к двум влюбленным на Земле. Внезапно голос плоти, непреодолимый призыв горячей крови и деятельности, возведенный в высочайшую степень, захватят наполовину пробужденную душу, и тогда она снова перейдет в мир материального творчества. Она погрузится в плоть Земли и скроется в ней. Она будет ждать нового рождения. Она проявится с большей силой благодаря предшествующему отдыху. Вначале я говорил «он» или «она». Можно быть почти уверенным, что мужчина пробудится первым в силу своей положительной полярности.

Только помните, что, рисуя воображаемую картину моих влюбленных, я вовсе не имею в виду общего способа, которым все души возвращались бы на Землю. Я только догадываюсь, как эта пара возвратится на Землю (ибо она, вероятно, последует за ним немедленно после того, как, проснувшись, найдет себя в одиночестве).

Причина же, почему мне думается, что они вернутся именно таким образом, та, что они слишком много предавались субъективному блаженству.

Когда это случится? Этого я не могу сказать. Может быть, в будущем году, может быть, через сотни лет. Не зная размера их соединительных сил, я не могу определить, какое количество субъективного блаженства они могут вынести без стремительной реакции.

Я уверен, что вы думаете — мог ли бы я сам когда-нибудь погрузиться в такое состояние блаженства, о каком сейчас шла речь? Может быть. Возможно, что оно захватило бы и меня — но ненадолго и еще не теперь. Во всяком случае, у меня нет здесь возлюбленной, которая могла бы наслаждаться подобным блаженством со мной.

Письмо 31 Перемена фокуса внимания

За последние дни я посетил под руководством Учителя много местностей на Земле. Я был в тех странах и городах, где в течение прежних жизней жил и работал среди людей. Одно из преимуществ путешествий по чужим странам состоит в том, что они помогают человеку вспоминать свои прежние существования. Есть несомненная магия в жилых местах.

Я побывал в Египте, Индии, Персии, Испании, Италии, я посетил Германию, Швейцарию, Австрию, Грецию, Турцию и много других стран. И Дарданеллы не были закрыты для меня, как они закрыты для вас благодаря войне. Каждое положение имеет свои преимущества, и мое также имеет его; закон уравнивания действует везде.

Оказывается, что в некоторых из своих жизней я был большим путешественником.

Может быть, вам непонятно, каким образом я могу так легко переходить из этого мира в ваш мир и видеть в обоих. Но вы должны помнить, что мой мир и ваш мир занимают приблизительно одно и то же пространство, что поверхность Земли совпадает с нижним, наиболее плотным «слоем» нашего мира. И, как я уже упоминал раньше, есть и такие места, доступные для нас, которые находятся высоко над земной поверхностью. «Небесные обитатели» более, чем символы.

Стоит мне лишь изменить фокус внимания, и я могу очутиться в любое время в вашем мире. Что я невидим для физических глаз, это не доказательство, что меня нет там. Без этой перемены центра внимания, — а это достигается актом воли по определенному методу, который нужно знать, — я мог бы занимать одно и то же пространство с кем-нибудь из обитателей вашего мира и даже не знать о том. Заметьте это хорошенько; но это — лишь одна сторона того, что я хочу сказать; другая сторона состоит в том, что и вы можете в любое время — насколько это касается пространства — очутиться в непосредственной близости с интересными вещами нашего мира и не подозревать о том.

Но если вы сосредоточитесь на нашем мире, вы будете более или менее сознавать его. Так же и я, зная, как нужно сосредоточиться на вашем мире, я немедленно могу переноситься сознанием сюда и могу наслаждаться видами различных городов и меняющимися картинами различных стран.

В самом начале моего пребывания здесь я очень плохо видел Землю, теперь я вижу ее гораздо лучше.

Нет, я не собираюсь передавать вам формулу для передачи другим, которая сделала бы их и вас способными по произволу менять фокус внимания, чтобы входить в сношение с этим миром; не собираюсь потому, что такое знание на вашей ступени развития сделало бы более зла, чем добра. Я только утверждаю факт и предоставляю применять его тому, у кого окажется для этого достаточно любознательности, и кто владеет необходимыми для этого способностями.

Моя цель, заставившая меня писать эти письма, — убедить колеблющихся в том, что душа продолжает жить и сознать и после той телесной перемены, которую вы называете смертью. Многие думают, что они верят, но не всегда эта вера оказывает

Страница отсутствует

сано относительно вибраций, и тем не менее истина скрывается именно здесь. Нет дыма без огня.

В Индии я видел йогов во время медитации. Знаете ли вы, почему их особый способ дыхания влечет за собой психические результаты? Нет, вы не можете знать. Слушайте же, вследствие задержанного дыхания образуется — не знаю, могу ли я назвать это ядом? Но это нечто, что назову ядом, действуя на психическую природу человека, меняет ее вибрации. Вот и все. Сколько книг было написано про йогу, но кто упомянул об этом? Обыкновенные здоровые легкие при обыкновенном дыхании отделяются от этого яда процессами, хорошо известными физиологам; для человека, все еще живущего в физических условиях, для того, чтобы приспособить себя к психическому миру, необходимо изменение вибрации. И это изменение вибрации может быть достигнуто легким увеличением вышеупомянутого яда. Опасен ли он? Да, он очень опасен; и только для тех немногих, которые знают, как обращаться с ним, он не опаснее любого лекарства из вашей фармакопеи.

В другой раз я вам скажу и о других тайнах, которые я открыл, когда передвигался из этого мира в ваш земной мир и обратно.

Письмо 32

Мои решения

Я стоял ночью на крыше восточного дворца и смотрел на звезды. Тот, кто в состоянии смотреть в невидимый мир, изменив свой фокус внимания, легко поймет, как я, пользуясь противоположным процессом, могу видеть в мире плотной материи. Да, это — то же самое, только обращенное в другую сторону.

Я стоял на крыше восточного дворца и смотрел на звезды. Вблизи не было ни одного смертного. Глядя на заснувший город, я видел облако душ, стороживших его, видел посланников из другого мира, появлявшихся и снова удаляющихся. Два бледное испуганное лицо появлялось в этом облаке духов, и тогда я знал, что там внизу кто-нибудь умер.

Но я так нагляделся на духов с тех пор, как перешел сюда, что меня гораздо больше интересовали звезды. Я всегда любил их, люблю и теперь. Со временем я надеюсь больше узнать о ш

Страница отсутствует

Страница отсутствует

инженер, даст ему с раннего детства ту помощь, которая может развить заложенные в нем способности до полного расцвета. Мне было разрешено сообщить об этом Ляйонелю, и я стал искать его.

Я застал его в нашем любимом убежище, в хижине на берегу ручья, у подножия лесистого холма, о котором я упоминал в одном из моих писем. Он был очень задумчив.

Я подождал, пока мальчик не раскрыл глаза и не взглянул на меня. Когда я сообщил ему о скорой перемене, ожидающей его, он пришел в такой восторг, который очень ясно напомнил мне, что я все еще человек. Мне вдруг стало грустно и обидно, что мой мальчик, которого я так полюбил, хочет уйти от меня по доброй воле. Но так как воля действительно свободна, я не стал делать никаких усилий, чтобы удержать его. Хотя по форме все еще юный — он не успел вырасти в этом мире с тех пор, как появился сюда ребенком, — в мыслях своих он был не менее зрелый, чем я.

— Подумайте только, — радостно заговорил Ляйонель, — когда вы вернетесь, я буду старше вас! И как хорошо, что мой будущий отец может научить меня. Но когда я вырасту, я сам открою много вещей, которые для него неизвестны. Вы помните ту машинку, которую я устроил в мире первообразов? Когда я вернусь на Землю, я осуществлю ее. Вы ведь помните, как она двигалась с помощью электричества из моих пальцев?

— А если кто-нибудь другой изобретет ее раньше тебя? — спросил я. — Не хочешь ли, я наложу зарок вокруг твоего образца, чтобы никто не мог трогать его?

— А вы можете сделать это?

— Думаю, что могу.

— В таком случае, отправимся сейчас же туда и сделаем это немедленно! Я ведь очень скоро мог⁷ покинуть этот мир!

Мне показалась очень забавной эта поспешность Ляйонеля. Мы направились в «мир первообразов», и я провел запретный круг вокруг его машины — зарок, который, надеюсь, будет охранять ее, пока Ляйонель не предъявит на нее свои права.

Что такое вдохновение? Что есть гений и его изобретения? Люди на земле мало понимают значение этих слов. Возможно, что знаменитая поэма была пропета нашим любимым поэтом до его рождения. Возможно, что великое изобретение пребывало в мире первообразов, защищенное запретным кругом, пока его творец вырастал на Земле до возмужалого возраста, до возможности предъявить право на свое собственное духовное творчество. Возможно, что когда двое изобретают одно и то же одновременно, один из них присвоил себе идею другого, которую этот другой оставил за собой, возвращаясь в земной мир. А может быть и так, что оба заимствовали в невидимом мире создание третьего человека, все еще ожидающего рождения на Земле.

Когда я в следующий раз увидел Учителя, я спросил его, может ли душа Ляйонеля возвращаться в наш мир до своего рождения на земле.

— Если бы это была душа Адепта, это было бы возможно, — последовал ответ, — но для души, даже высокоразвитой, это невозможно, пока она не достигнет ступени Адепта.

— Но ведь живущие на Земле люди переходят же сюда во сне?

— Да, но когда душа спускается в материю, готовясь к новому рождению, она вступает в то, что вы называете потенциальностью, и все ее силы нужны для великого усилия, чтобы сформировать новое тело и приспособить его. После рождения, когда глаза уже раскрылись и легкие расширились для принятия воздуха, задача становится уже легче, и тогда возможно, что не вполне израсходованная энергия сможет перекинуть мост через отделяющую оба мира пропасть. Но, — продолжал он, — те, которые готовятся стать матерями, нередко смутно чувствуют, какой душе они дадут приют. Если они даже не сознают всего значения того чуда, которое совершается через них, у них бывают странные сны и видения, которые можно назвать прозрением в прошлые воплощения нерожденного ребенка. Они видят неведомые страны, в которых зарождающееся в них существо жило в прошлом; они испытывают желания, в которых сами не могут отдать себе отчета, — отражение желания, которое не более как скрытое влечение нерожденного; они испытывают непонятные страхи,

которые не более как отголоски его прежних страхов и недугов. Мать, которая питает действительно великую душу, может в течение этого периода созидания сама вырасти духовно в такой мере, которая намного превышает ее собственные нормальные возможности. Тогда как мать нерожденного преступника испытывает нередко такие странные извращения, которые совсем не соответствуют обыкновенному настроению ее души. Если бы женщины были достаточно сознательны и осведомлены, они могли бы по своим ощущениям и мыслям судить о том, какого рода души готовятся стать их детьми; зная это, они могли бы подготовиться для соответствующего руководства своих детей. Требуется больше знаний, как тут, так и везде.

Таким образом, и по случаю перехода Ляйонеля я научился кое-чему, как ежедневно учусь благодаря моему новому опыту.

Письмо 34

Жертвы собственных ограничений

Неудивительно, что дети, как бы стары и мудры ни были их души, должны в каждой новой жизни переучивать относительные ценности всех вещей по искусственным меркам вашего мира, ибо здесь эти мерки теряют свое значение.

И люди, которые придавали значение только этим искусственным меркам, должны неизбежно страдать в здешнем, более естественном мире. Недавно меня поразила одна леди, только что перешедшая сюда и не нашедшая ни одной близкой души, которая была бы сколько-нибудь близка для нее. Даже мать не встретила ее. Это меня очень удивило, так как я знал, что дух матери, если он еще не возвратился на Землю, испытывает особого рода толчок, как бы внутреннюю дрожь, когда дитя, которому она дала жизнь на Земле, приближается к рождению в духовный мир, — дрожь, которую можно назвать сочувствием родовому страданию, последним нежным отзвуком материнства.

Женщина эта была до того одинока, что я стал искать в числе знакомых мне духов такого, который мог бы посвятить ей свое время, но, к сожалению, между ними не было тех леди, которые вяжут крючком и сплетничают в нашем мире так же, как они это делали в вашем.

Не удивляйтесь! Думаете ли вы, что привычки всей жизни могут быть сброшены в один миг? Мы знаем, что во всей природе не бывает внезапных скачков; почему бы им быть при той перемене, которую мы называем «смертью»? Как женщины на Земле мечтают о своих рукоделиях, так делают они и здесь. В этом мире так же возможно вязать, как в вашем мире возможно предаваться мечтам.

Поймите, что этот мир по существу своему не более священен, чем ваш мир, и не более таинствен для того, кто живет в нем. Для серьезной души все состояния священны, кроме профанации, которая встречается и здесь, как на Земле.

Женщина, о которой я сейчас вспоминаю, жила и действовала одной только условной, так называемой светской жизнью, и это — до такой степени, что у нее не оказалось ни единой переживающей земную жизнь связи, гой связи, которая создается внутренней близостью. И, конечно, она не могла чувствовать себя счастливой в новых условиях жизни.

В другой раз я встретил одну из своих знакомых, госпожу N, которая горько жаловалась на обитателей этого мира за то, что все они интересуются чем-нибудь своим и совсем не хотят иметь с ней дела. Когда же из ее жалоб оказалось, что она стремилась всех посвящать в свои личные неудовольствия, мне стало ясно, почему никто не хотел слушать ее. Бедняжка не понимала, что наши тревоги так же мало интересны для других в этом мире, как на земле. И что поразительно — она продолжала испытывать здесь воображаемые неприятности совсем так же, как и на Земле; все было ей не по вкусу, всем она была недовольна. Этой душе я помог тем, что повернул фокус ее внимания на религиозные переживания здешнего мира и показал ей ортодоксальное небо, о котором уже говорил в одном из писем.

Здесь, в настроении этих двух леди, меня поразило, до какой степени все свойства внутренней жизни человека переносятся сюда, и в этом мире, где можно жить так привольно и

свободно, свойства эти как бы возрождаются вновь, в виде воображаемых ограничений и непреодолимых преград.

Но есть иное посмертное состояние, на мой взгляд, гораздо более тяжелое. За время моего здешнего пребывания мне не раз приходилось видеть мужчин и женщин, погруженных в состояние глубочайшего сна, с лицами, лишенными всякого выражения. Вначале, не понимая причины их сна, я пробовал разбудить одного из них; но мне не удалось. Я возвращался к нему снова и снова и находил его в прежней летаргии.

Однажды, когда я был с Учителем, увидав одну из таких бессознательных форм, я попросил у него объяснения. От него узнал, что это — те люди, которые отрицали бессмертие души. Они остаются в состоянии глубокого сна до тех пор, пока непреодолимый закон ритма не извлечет их из этого состояния бессознательности для нового воплощения. На мой вопрос — возможно ли вырвать их из этого состояния, Учитель ответил, что это возможно. Но для того, чтобы противодействовать той силе, которая держит человека в таком состоянии глубокого сна, чтобы нарушить тот зарок, который сам человек наложил на свою душу, когда требовал бессознательности и уничтожения для себя, чтобы противодействовать этому, нужно пустить в ход силу более могущественную. Эта сила — воля.

Моя искудавшаяся попытка сказала мне, что для такого пробуждения нужна воля более могущественная, чем обыкновенная человеческая воля, и я спросил Учителя, не мог⁷ ли я присутствовать при таком пробуждении. Из последовавшего ответа мне стало ясно, что должна быть очень серьезная причина — может быть, подвиг добра в прошлом такого человека, чтобы Учитель мог стать между ним и законом причин и следствий, который тот самовольно привел в действие.

Через некоторое время Учитель дал мне возможность наблюдать такое пробуждение. Я сожалел, что не могу передать вам, каким способом совершилось это поразительное воскресение из кажущейся смерти. Представьте себе у ног Учителя существо, с виду мертвое, с лицом, лишенным всякой жизни и выражения, и над ним — божественно-прекрасная фигура Учителя с выражением могучей силы на лице, с глазами, сияющими глубокой мыслью. Он указал мне на еле заметный свет, исходивший из безжизненного тела. Я его видел, но Учитель видел гораздо более: в этом бледном излучении для Него было видно все прошлое того человека.

Сцена, которая последовала затем, была так величественно прекрасна, что она напоминала мне «Воскресение Лазаря». «Душа человека бессмертна», — сказал Учитель, пристально глядя в по-луоткрывшиеся глаза пробужденного человека. И затем — тоном непреодолимого повеления: «Встань!»

Человек поднялся с усилием, и хотя тело его не имело почти никакого веса, видно было, как ему трудно вырваться из своей летаргии. Постепенно сознание возвращалось к нему, и слова Учителя начинали действовать на него.

Страница отсутствует

Я не встретил никакого затруднения и скоро нашел ад, переполненный пьяницами. Как вы думаете, что они делали? Раскаивались в своей слабости? Нисколько. Они толпились вокруг тех мест, где испарения алкоголя и еще более тяжелые испарения от тех, которые злоупотребляют алкоголем, делают атмосферу такой тошнотворной. Неудивительно, что люди с чувствительной организацией так не любят соседства кабаков.

Вы отвернулись бы с отвращением, если бы я рассказал то, что видел там. Одного или двух примеров достаточно.

Я начал с того, что привел себя в нейтральное состояние, как что мог видеть одновременно в обоих мирах.

Молодой человек с беспокойным взором и страдальческим лицом вошел в один из тех «винных дворцов», в которых гусгая позолота и блестящая полировка поддельного красного дерева внушают несчастному путнику, что он наслаждается роскошью «царства от мира сего».

Одежда молодого человека была изношена, а башмаки его видали много видов. Лицо было давно небрито.

Он наклонился к стойке, жадно опоражнивая стакан с какой-то душу разрушающей смесью. А рядом с ним, ростом выше его и перегнувшись к нему так, что отталкивающее, распухшее, страшное лицо было прижато к его лицу, как бы для того, чтобы вдыхать его проспиртованное дыхание, — выглядывало одно из самых ужасающих астральных существ, какое мне приходилось видеть в этом мире. Руки этого существа (я употребляю это слово, чтобы выразить его жизненность) сжимали тело молодого человека, одна длинная и голая рука обхватила его плечи, другая обвилась вокруг его бедер. Оно буквально высасывало пропитанные вином жизненные силы своей жертвы, поглощая их, вбирая в себя, чтобы удовлетворить через нее ту страсть, которую смерть только удесятерила.

Было ли это существо из области ада? — спросите вы. Да, ибо я мог видеть его внутреннее состояние и убедиться в его страданиях. Навеки (слово «навек» может быть употреблено для того, что кажется бесконечным), навеки было оно обречено жаждать и жаждать и никогда не находить удовлетворения.

В нем осталась только та доля сознания, делавшая его когда-то человеком, та слабая искра, которая давала ему от времени до времени мимолетное прозрение в чудовищный ужас его

Страница отсутствует

преобразуя гордость в бессильный стыд. Захочет ли он пожать руку друга? Рука протягивается к нему, но в ней захвачен нож, который вонзается во внутренности лжеца, не разрушая его, и все те же бесплодные попытки возобновляются снова и снова, пока мучительное сознание не истощится вконец.

Остерегайтесь предсмертных раскаяний! Ибо за ними последует жатва тяжелых воспоминаний. Гораздо лучше переходить в вечность с кармической тяжестью, которую мужественно несешь на спине, чем проскользнуть в задние двери ада с чувством трусливой неуверенности.

Если вы согрешили, примите этот факт безбоязненно и решите не повторять греха; тот же, кто останавливается на своих грехах в последний час свой, будет переживать их снова и снова после того, как перейдет через порог смерти.

Каждое действие сопровождается своим неизбежным противодействием; за каждой причиной следует ее последствие, которое ничто, исключая могучей динамики самой Воли, не может изменить, а когда Воля изменяет последствия предшествующей причины, это бывает всегда благодаря возникновению противодействующей, более могучей причины, чем первая, — причины столь сильной, что та, другая, неудержимо уносится вместе с ней, подобно тому, как сильный поток уносит слабую струйку воды из открытой трубы, включая и причину, и ее последствие в энергичном стремлении своих вод.

Если вы признаете факт своего греха, делайте добрые дела, более могущественные, чем ваши грехи, и вы соберете награду за них.

Письмо 36 Прекрасное Существо

Да, я видел ангелов, если под ангелами подразумевать духовные существа, которые никогда не жили, как люди на Земле.

В смысле жизненности, яркости жизнеощущения ангел стоит в таком же отношении к человеку, в каком человек стоит к скале. Если мы когда-либо испытывали это состояние небесной радости, мы совершенно потеряли его благодаря давнему слиянию с Материей. Можем ли мы когда-либо вернуть его? Возможно. Наша судьба в наших собственных руках.

Рассказать вам о том, кого я называю Прекрасным Существом? Если у него есть имя на небесах, я этого имени не слышал. Можно ли назвать Прекрасное Существо женщиной или можно его назвать мужчиной? Иногда оно кажется одним, а иногда другим. Здесь скрыта тайна, в которую я не могу проникнуть.

Однажды вечером я отдыхал на лучах месяца; это означает, что поэт, скрытый в каждом человеке, пробудился во мне. Мне казалось, что я лежу на лунных лучах, и мое сердце наполнилось экстазом. На мгновение я вырвался из когтей времени и жил в той небесной тиши, которая не что иное, как величайшая активность восторга, доведенного до предельной высоты. Вероятно, я переживал предчувствие того парадоксального состояния, которое мудрецы Востока называют нирваной.

Я живо сознавал и лунный луч, и себя, вся же остальная вселенная казалась во мне. Никогда в жизни не был я так близок к осуществлению верховного сознания: «Я ем».

Прошлое и будущее казались одинаково пребывающими в настоящем. Если бы какой-нибудь голос шепнул, что это было вчера, я согласился бы с ним; если бы другой голос утверждал, что это было миллион лет назад, я согласился бы и с ним. Но было ли это вчера или миллион лет тому назад, это было совершенно безразлично. Возможно, что Прекрасное Существо является только тем, для которых миг и вечность — одно. Оно явилось ко мне, и я услышал голос, сказавший: «Брат, это я».

В моем сознании не было вопроса: кто говорит со мной? Голос, сказавший: «Это я», мог принадлежать только такой Индивидуальности, которая сама почти столь же обширна, как вселенная, которая погружалась в океан Всебытия, но знает также и малое в сил⁷ того, что все включила в себя.

Передо мной стояло Прекрасное Существо, светящееся в своем собственном сиянии. Если бы оно было менее привлекательно, я был бы поражен изумлением, но самое совершенство его формы и осанки распространяло атмосферу тишины. Я не дивился потому, что самое состояние моего сознания было чудом. Я был поднят так высоко над моим обычным состоянием, что у меня не было мерки, которою я мог бы измерить переживание тех мгновений

Представьте себе юность, ставшую бессмертной, текущее, сделавшееся вечным. Представьте себе цветущую свежесть детского лица и глаза бездонной мудрости. Вообразите блеск тысячи жизней, сосредоточенный в этих глазах, и улыбку на устах любви столь чистой, что она не просит ответной любви от тех, кого дарит своей улыбкой.

Но земной язык не может описать неземное, и не может земной разум схватить размеры тех радостей, которые Прекрасное Существо раскрыло передо мной в гот верховный миг моей жизни. Ибо самые границы существования раздвинулись для меня, и значение души раскрылось в новых неизведанных глубинах. Те, к которым является Прекрасное Существо, никогда уже не могут быть прежними. Они могут забывать по временам, могут даже в деловой сутолоке утратить великую магию виденного Явления; но каждый раз, когда воспоминание о нем пронесется в их душе, душа будет неизменно вознесена на крыльях раз пережитого восторга.

Это может случиться и с человеком, который живет на Земле; это может случиться и с тем, который носится в межзвездных пространствах; но переживание должно быть для всех одно и то же, раз оно появилось, ибо только тому, кто находится в состоянии, сродном с Прекрасным Существом, может оно раскрыть себя. Никому другому.

Песнь Прекрасного Существа

«Когда вы, люди, слышите проносящийся шелест, слушайте внимательно, ибо возможно, что то долетающая до вас весть.

Когда вы чувствуете в сердце своем таинственное и прекрасное горение, возможно, что оно посылается вам из неведомого чудесного очага.

Когда неведомая радость переполняет ваше существо, и ваша душа выступает из берегов и тянется... к какой-то желанной тайне, знайте, что сама тайна протягивает к вам свои теплые и любящие, хотя и невидимые объятия.

Мы, пребывающие в невидимом, видимы друг для друга.

Здесь сияют нежные цвета и очаровательные формы, и взоры упиваются невиданной на Земле красотой.

О, вы не знаете всей радости простой жизни — быть и петь в вашей душе непрестанно,

как птица поет своей подруге!

Ибо каждый раз, когда поет ваша душа, это — песнь, несущаяся к вашей подруге.

Не думаете ли вы, что лишь весна может потрясать и заставлять прислушиваться к шелесту крыльев?

Нет, весенняя пора сердца длится вечно, и осень может не наступать никогда.

Слушайте! Когда жаворонок поет, он поет для вас, когда поют водяные струи, и они поют для вас.

А когда радуется ваше сердце, всегда есть другое сердце, которое где-то отвечает на вашу радость, и душа внимающих небес радуется извечной Радости.

Я радуюсь, когда я здесь, и радуюсь, когда я там. Всюду красота, где бываю я.

Можете ли вы, дети Земли, отгадать, почему?

Выходите поиграть со мной на покрытых цветами полях пространства. Я буду поджидать вас у перекрестка, где встречаются четыре ветра.

Вы не собьетесь с пути, если последуете за лучом, мерцающим в глубине садов надежды.

Есть музыка в громовом шуме Земли, когда она проносится в пространстве.

Есть музыка и в тонах, неведомых для тяжелого слуха Земли, и гармонии, аккорды которых — те души, что настроены на один и тот же лад.

Слушайте... Слышите вы их?

О, уши со*зданы для того, чтобы слышать, и глаза созданы для того, чтобы видеть, сердце же — для того, чтобы любить!

Часы идут, не оставляя следов, и годы подобны сальтам, танцующим в эфире, столетия же выступают торжественно тихо.

Но мы улыбаемся, ибо радость пребывает и в торжественном ходе столетий.

Радость, радость всюду. Она и для вас, и для меня, для вас столько же, сколько для меня.

Хотите застать меня там, где встречаются четыре ветра?»

Страница отсутствует

внутри. Мы желаем такого-то места, и мы немедленно там. Почему это так, я еще не могу объяснить вам, к тому же мне хочется говорить о небе, которое я только что видел: оно так прекрасно, что его очарование все еще носится надо мной.

Я увидел двойные ряды темных деревьев, вроде кипарисов, и в конце этой длинной аллеи я заметил нежный рассеянный свет. Где-то я читал, что небо освещается тысячью солнц, но это небо было совсем иное: освещавший его свет был нежнее, чем лунное сияние, хотя яснее его. Очень возможно, что солнечный свет сиял бы так же нежно, если бы на него смотреть через несколько покровов из алебаstra. Но этот свет, казалось, не исходил ниоткуда. Он просто был. Когда я подвигался, я увидел две фигуры, идущие рука об руку. Выражение такого счастья было на лицах этих существ, какого никогда не увидишь на Земле. Только дух, не сознающий времени, может глядеть так.

Мне казалось, что это мужчина и женщина, хотя они были так непохожи на то, что вы называете мужчиной и женщиной. Они не смотрели друг на друга, продвигаясь вперед. Легкое прикосновение руки делало их в такой степени едиными, что они, по-видимому, не нуждались в зрительном прикосновении — оно не могло бы прибавить ничего к их удовлетворению. Подобно тому свету, который не исходил ниоткуда, они просто были.

Несколько дальше я увидел группу светло одетых детей, танцующих среди цветов. Держась за руки и составив круг, они танцевали, а одежда их, похожая на лепестки цветов, развевалась ритмично назад и вперед, в такт их танцующим членам. Великая радость наполнила мое сердце. Они также не осознавали времени и могли бы танцевать здесь целую вечность, так думалось мне. Но была ли их радость минутная или вечная — это не имело значения ни для меня, ни для них. Подобно свету и подобно тем двум любящим, эти дети были, и этого достаточно.

Миновав аллею из кипарисов, я остановился у широкой долины, окруженной целым

лесом цветущих деревьев. Запах весны стоял в воздухе, и в нем раздавалось пение птиц. Посреди долины высокий фонтан, бросавший во все стороны водяные струи, играл ими в воздухе, откуда они падали прозрачным кружевом вниз. Атмосфера невыразимого очарования была разлита над всем. От времени до времени по этой благоухающей доли

проходили прекрасные существа, большинство которых, думается мне, принадлежало когда-то к человечеству. Они передвигались по двое или группами, улыбаясь друг другу)⁷.

Вы часто употребляете на Земле слово «мир», но в сравнении с миром этого места величайший мир на Земле показался бы суетой. Я понял, что нахожусь в одном из самых прекрасных небес, но что я в нем — один; только что мысль эта об одиночестве пронеслась в моем сердце, как я увидел перед собой Прекрасное Существо, о котором я писал в последнем письме. Оно улыбалось и говорило мне: «Тот, кто с грустью сознает свое одиночество, не может оставаться на небе. Вот я и явилась, чтобы удержать тебя здесь».

— Это и есть то небо, где ты всегда живешь? — спросил я.

— О, я живу везде и нигде. Я один из добровольных странников, находящихся очарование родного очага во всех небесных и земных местах.

— Значит, ты иногда посещаешь Землю? — спросил я.

— Да, даже до самых отдаленных пределов ада, но я никогда не остаюсь там долго. Я хочу знать все, что есть, и оставаться несвязанным.

— Любишь ли ты Землю? — спросил я.

— Земля — одно из полей моих игр. Иногда я пою детям Земли, а когда я пою поэтам — они верят, что их муза с ними. Вот песня, которую я спел одной душе, пребывающей среди людей.

— Сестра моя, я часто с тобой, когда ты не знаешь о том.

— Для меня душа поэта — светлый источник, в глубинах которого я могу видеть свое собственное отражение.

— Я живу в чарах света и красок, которые вы, смертные поэты, тщетно стремитесь выразить в магических словах.

— Я и в закате солнца, я и в звезде, я следила, как старился месяц, и как ты делался юным.

— В детстве ты искал меня в быстро бегущем облаке; в зрелости ты воображал, что уловил меня в блеске очей возлюбленной; но я никогда не даюсь, я всегда ускользаю от людей.

— Я маню и улетаю, и от прикосновения моих ног не склоняются головки расцветших цветов.

— Ты можешь найти меня и можешь снова потерять, ибо смертный не может удержать меня.

— Я ближе всех к тем, которые ищут красоты в мыслях или в форме; я улетаю от тех, которые хотят задержать меня.

— Ты можешь каждый день подниматься в царство, где пребываю я.

— Иногда ты встретишь меня, иногда нет; ибо моя воля, что воля ветра, — я не поддаюсь ни на какие приманки.

— Но когда я маню, души прилетают ко мне со всех четырех концов неба.

— Я нужна для тебя, и ты имеешь значение для меня; я люблю видеть твою душу в часы ее грез и восторгов.

— Твоя душа прилетает также; ибо ты один из тех, кого я призывала чарами моей магии.

— Когда кто-нибудь из принадлежавших мне грезит о рае, свет становится ярче для меня, которая видит свет во всем.

— О, не забывай очарования минуты, не забывай обольщения сердца!

— Ибо сердце мудрее, чем все магии Земли, и сокровища мгновения богаче и удивительнее, чем накопленные богатства веков.

— Мгновение реально, тогда как века лишь обман, лишь воспоминание и тень.

— Верь, что каждое мгновение есть все, и мгновение более, чем время.

— Время несет на себе песочные часы, и шаги его медленны; его волосы убелились инеем годов, и скипетр его притупился от неустанного движения; но ему ни разу не удалось поймать мгновения в его быстром полете. Оно состарилось, закидывая сети па быстрокрылый миг.

— Ах, эта магия жизни и бесконечного сочетания живых вещей!

— Я была молода, когда возникло солнце, и я буду молода, когда месяц падет, умирая, в объятия своей дочери Земли.

— Разве ты не хочешь быть юным вместе со мной? Прах есть ничто, душа есть все.

— Подобно серебряному серпу месяца на водной поверхности озера — таков миг пробуждающейся любви.

— Подобно увядшему цветку на лоне утомленного мира — таково мгновение умирающей любви.

— Но есть любовь и Любовь, и любовь света к своему сиянию, есть любовь души к душе.

— Нет смерти там, где внутренний свет светит, озаряя внутренние поля — потустороннее — недостижимое достижение.

— Ты знаешь, где найти меня.

Вы хотите знать, на каком языке я говорю с обитателями Неба? Мне кажется, что я говорю на своем собственном языке, и они отвечают мне на нем же. Но, может быть, мне это только кажется, а на самом деле мы пользуемся пластическим языком самой мысли.

Разве вам не случалось при встрече с человеком, языка которого вы не знаете, чувствовать совершающийся обмен мыслями между ним и вами? Выражение глаз, игра лица, неуловимый жест и — внутренний обмен совершился. Попробуйте усилить это взаимопонимание в тысячу раз, и, может быть, получится то, что мне кажется беседой, сходное с земным обменом слов.

Письмо 38

Небесная иерархия

Я собираюсь сказать нечто, что может поразить немалое число лиц; но людям, слишком дорожающим собственными идеями и неохотно позволяющим другим иметь также свои идеи, я советовал бы совсем не раскрывать тщательно охраняемых дверей, которые отделяют страну так называемых живых от так называемых мертвых.

То, что я утверждаю, можно выразить в следующих словах: существует много богов, и все они вместе составляют единого Бога. Все боги существуют в Боге. Делайте, что хотите со мной, но такова истина, а истина жизненнее всех грез, даже ваших или моих.

Видел ли я Бога? Я видел того, Кого называют Сыном Божиим, а вы должны помнить его

слова, что кто видел Сына, тот видел и Отца.

Но, вы спросите меня обо всех богах? Ибо в мировом пантеоне их много. Да, они существуют и здесь как реальности.

Как, спросите вы снова, разве возможно создавать воображением богов и затем давать им жизнь в невидимом мире? Нет.

Они существовали здесь изначала, и человек получил о них представление уже очень давно, с помощью своего психического и духовного восприятия. Человек не выдумал их, и материалисты, утверждающие это, знают очень мало о законах бытия. Первобытному человеку было легче познать их путем своего духовного родства и большей близости к ним.

Когда вы читали народные сказания об этих богах, очень вероятно, что вы относились покровительственно к наивным создателям мифов и благодарили свою счастливую звезду, что вам пришлось жить в более просвещенном веке. Но эти-то древние сказители сказок и были на самом деле «просвещенными», ибо они видели в других мирах и повествовали о том, что видели.

Многие из любимых богов нашего мира жили — по преданиям — на Земле, как люди. И это верно. Эта мысль очень поражает вас?

Каким образом может человек стать Богом, и как может Бог стать человеком? Думали ли вы когда-нибудь об этом? Человек становится Богом, развивая богосознание, что означает совсем другое, чем развитие своих собственных мыслей о Боге. В течение последних лет вы, наверно, слышали или читали о так называемых Учителях, о людях со сверхчеловеческими свойствами, которые отказались от малых радостей и мирских достижений для того, чтобы совершить нечто более великое.

Человеческие идеи о богах меняются так же, как меняются сами боги, ибо все на свете находится в процессе «ст ановления», как сказал Гераклид двадцать четыре века тому назад. Не воображаете ли вы, что боги стоят неподвижно, и что вы одни двигаетесь вперед? В таком случае, вы можете в один прекрасный день опередить ваших богов и начать поклоняться себе, не имея перед собой никого более высокого.

С помощью Учителя я имел возможность лицезреть некоторых из наиболее древних богов. Если бы я перешел сюда с высокомерным презрением ко всем богам, кроме моего собственного, мне едва ли было бы дано такое преимущество; ибо боги точно так же исключают из себя, как они включают в себя, и раскрывают они себя только тем, которые способны видеть их такими, каковы они в действительности. Вы, может быть, скажете, что это открывает двери политеизму, пантеизму и друп

Страница отсутствует

Страница отсутствует

Вы удивляетесь, почему я ушел? Для того, чтобы провести широкий охраняющий круг, который защитил бы вас от меня, ибо некоторые духи совсем не желали бы выдавать то, что я собираюсь передать вам.

Продолжаю. Когда человек взволнован, когда он в восторге и вообще, когда тем или иным путем усилена его эмоциональная жизнь, духи привлекаются к нему. В этом — тайна вдохновения, этим же объясняется, почему гнев растет, питаясь собой.

Последнее обстоятельство я и хочу ввести в круг вашего сознания. Когда вы выходите из себя — вы теряете очень много, между прочим, и контроль над собой, — и тогда вполне возможно, что другая сущность мгновенно присвоит себе контроль за вами.

Этот субъективный мир, как я его назвал, полон духами-ненавистниками. Они любят возбуждать ссоры как здесь, так и на Земле. Они забавляются злобным возбуждением в других. Они приходят в радостное содрогание, соприкасаясь с ядом ненависти; как некоторые люди упиваются морфием, так же они упиваются всякой негармонической страстью.

Понимаете, в чем опасность? Малейший зародыш гнева в вашем сердце может питаться

и воспламеняться огнем их ненависти. К вам лично у них может быть полное безразличие, но, чтобы удовлетворить свою злую страсть, они могут привязаться к вам временно.

Человек, привыкший сердиться или искать отрицательное в других, бывает, наверное, окружен дурными духами. Мне пришлось видеть толпу таких духов вокруг рассердившегося человека, и как они вводили в него свой собственный злой магнетизм, возбуждая его снова, когда он — по естественной реакции — начинал успокаиваться.

Но иногда безличный интерес к ссорам становится личным; злобный дух этого мира, убедившись, что в соединении с тем или другим человеком он может постоянно испытывать злобное возбуждение, может привязаться к своей жертве; благодаря такой связи жертва его будет постоянно предаваться злобным порывам. Это одно из самых ужасных несчастий, которое может выпасть на долю человека. Доведенное до конца, оно может превратиться в одержимость и кончиться сумасшествием.

Страница отсутствует

Страница отсутствует

И в то же время я говорил о посещении неба как места пребывания. Это требует пояснения. Вы помните изречение: «Царствие Божие внутри вас есть», и также: «Где двое или трое соберутся во имя Мое — там и Я буду среди них»?

Те места в невидимых мирах, которые я назвал христианскими небесами, и представляют собой те обители, где двое или трое, или две или три тысячи — смотря по обстоятельствам — собираются во Имя Его, чтобы наслаждаться Царством Небесным внутри себя.

Собрание душ — объективно; это значит, что души существуют во времени и в пространстве; небеса же, которыми они наслаждаются, — субъективны, хотя все собравшиеся души могут видеть одновременно одно и то же, например, видение Того, Кого они обожают как Спасителя.

Яснее этого я не могу выразить.

Письмо 41

Путешествия с ангелом

Я уже говорил вам о том, кого я назвал Прекрасным Существом; его местожительство — вся вселенная, его избранные товарищи — все человечество и все чины ангелов, игры его — года и столетия.

Не знаю, по какой причине, но Прекрасное Существо было очень милостиво ко мне и к моим усилиям приобрести знание и показало мне многое, чего я иначе не увидел бы.

Когда руководителем путешествий по планете является ангел, путник оказывается в особенно благоприятных условиях. Рекомендательные письма к великим мира сего — ничто по сравнению с такой рекомендацией, ибо с его помощью я смотрю в души всех существ, а мои посещения человеческих домов не ограничиваются гостиней. Прекрасное Существо имеет доступ всюду.

Приходило ли вам когда-нибудь в голову, проснувшись после прекрасного сновидения, что ангел, может быть, поцеловал вас во время сна? Я видел такие вещи.

О, не бойтесь давать свободу вашему воображению! Самые необыкновенные вещи в то же время и самые истинные; банальн

Страница отсутствует

Страница отсутствует

Страница отсутствует

Вы, читающие эти строки, когда вы перейдете сюда, вы будете многому удивляться. Малые вещи покажутся для вас большими, а большие — малыми, и все разместится на своем месте в картине бесконечного плана, в котором и ваши затруднения, и все ваши мучения окажутся подробностями, неизбежными и прекрасными. Эта мысль возникла во мне, когда я странствовал от неба к Земле, от красоты к безобразию, с моим лучезарным товарищем.

Если бы я только мог найти слова, чтобы передать вам влияние Прекрасного Существа! Оно не похоже ни на что остальное во всей вселенной. Оно обманчиво, как лунный свет, и более нежно, чем нежность матери. Оно прекраснее самого прекрасного цветка, и в то же время может смотреть с улыбкой на безобразие. Оно чище, чем дыхание Океана, и в то же время не испытывает никакого ужаса перед нечистотой. Оно безыскусственно, как малое дитя, и в то же время мудрее древних богов; настоящее чудо противоречий, причудливый странник небес, любимец невидимых миров.

Письмо 42

Игра в «веришь-не веришь»

Однажды я встретил человека в театральном костюме, который объявил мне, что он Шекспир. Теперь я уже привык к таким заявлениям, и они не удивляют меня, как удивляли семь-восемь месяцев тому назад (да, я все еще держу счет вашим месяцам, имея для того особую цель). Я спросил этого человека, какого рода доказательства может он привести для подтверждения своей претензии? На это он мне ответил, что претензия его не требует никакого доказательства.

— Этот номер со мной не пройдет, — сказал я, — ведь я старый законовед!

На это он засмеялся и спросил:

— Но почему бы и вам не присоединиться к игре?

Я рассказываю вам эту довольно бессмысленную историю потому, что она иллюстрирует интересную сторону здешней жизни.

Несколько раньше одна вновь перешедшая сюда леди, увидев меня одетым в римскую тогу, подумала, что я Цезарь; я сказал

Страница отсутствует

Страница отсутствует

сила, которая может быть опасна, если она применяется без достаточного запаса мудрости.

Все человеческие существа носят в себе зародыши Учительства. Это может послужить ободрением для людей, которые стремятся к более интенсивной жизни, чем обыкновенное существование. Но достижение ступени Учителя есть постепенный и обыкновенно очень медленный рост.

Мой здешний руководитель принадлежит к ступени Учителя.

Здесь есть руководители, которые не достигли этой ступени, точно так же, как есть преподаватели на Земле, которые не достигли звания профессора; но тот, кто имеет желание учить тому, что знает сам, находится на верной дороге.

Я не стану скрывать, что мой Учитель одобряет мое стремление познать мир со здешней жизнью, которая непосредственно следует за тем, что вы называете смертью. Если бы он не одобрил, я преклонился бы перед его высшей мудростью.

Нет, дело не в его имени. Я буду продолжать называть его моим Учителем, когда буду от времени до времени приходить к вам. Через некоторое время я, вероятно, совсем перестану приходить. Не потому, что я перестану интересоваться вами; но потому, что я должен буду удалиться далеко от вашего мира, чтобы узнать вещи, понимание которых требует ослабления земных связей. Позднее я, может быть, снова вернусь; но я не даю обещания. Я приду, если

смогу, если это окажется мудрым, и если вы будете в настроении принять меня.

Не думаю, чтобы я мог сообщаться через кого-нибудь другого и писать письма, подобные этим. Мне пришлось бы провести другую личность через тот же процесс, через который прошли вы, и я знаю, что немногие, даже из тех, которые были моими друзьями, способны довериться мне в такой же степени, как вы. И потому, после моего удаления, не закрывайте дверей слишком плотно на случай, если бы я захотел снова прийти, ибо возможно, что я сообщу вам нечто чрезвычайно важное. Но, с другой стороны, сами вы, пожалуйста, не зовите меня: таким зовом вы можете отвлечь меня от важной задачи. Я не мог)⁷ сказать наверное, что вы в силах это сделать, но это возможно, и это было бы нежелательно для меня.

Остающийся на Земле может призывать с такой сосредоточенной силой друга, перешедшего далеко за земную атмосферу, что этой душе придется вернуться слишком рано в ответ на горячий призыв.

Не забывайте мертвых, пока они не приобретут достаточно силы, чтобы быть счастливыми без вашей памяти о них; но не наседайте слишком сильно на них.

Учителя, о которых я только что говорил, могут оставаться и близко, и далеко, как им захочется; и они могут отвечать и не отвечать, но обыкновенная душа очень чувствительна к призыву тех, которых она любила на Земле.

Мне пришлось видеть мать, усиленно отвечающую на слезы и мольбы своего ребенка, но ей не удалось дать ему почувствовать свое присутствие. Такие неудачи бывают причиной большой грусти для некоторых матерей.

Однажды мне удалось видеть моего Учителя, как он помогал одной матери войти в сношение с осиротелой дочерью, бывшей в большом горе. Сердце моего Учителя отзывается с необыкновенной нежностью на страдания мира; и в то же время он объясняет с необыкновенной силой величайшие проблемы мысли. Он являет собой олицетворение трижды великого Гермеса Трисмегиста — великого телом, великого умом, великого сердцем.

Он очень любит детей, и однажды, когда я был невидимо в доме одного из моих земных друзей и его маленький сын, упав, расшибся и начал громко плакать, мой великий Учитель, которого я видел буквально повелевающим «легионом ангелов», наклонился в своей астральной форме над ребенком и начал утешать и ласкать его.

Меня это очень поразило, и я сказал ему о своем удивлении; он ответил на это, что помнит свое собственное детство в различных странах, и что в памяти его сохранилось до сих пор ощущение от физической боли и потрясение от физического падения.

Он прибавил, что дети страдают гораздо более, чем старшие думают, и что смятение, которое вызывается приспособлением к новому, нежному и растущему телу, вызывает часто сильное страдание.

Так, постоянный крик некоторых младенцев вызывается их бессилием перед Геркулесовой задачей сформировать то тело, через которое будет проявляться их дух.

Он рассказывал мне историю одного из своих прежних воплощений, когда он еще не был Учителем, и какого тяжелого труда ему стоило построить для себя тело. Он мог припомнить малейшие подробности той далекой-далекой жизни. Однажды мать наказала его за что-то, чего он не сделал, и когда он стал отрицать свою вину, она бранила его за ложь, не понимая, — несмотря на всю свою доброту, — что правда была в самой основе той души, которой она дала внешнюю форму. Он прибавил, что именно после этого детского страдания столетия назад началась его сознательная борьба против несправедливости, которая сделала из него друга и наставника человечества.

Он придает большое значение восстановлению памяти прошлого, потому что эти воспоминания раскрывают перед нами все пути, по которым шло развитие нашей души.

Как общее правило, Учителя не говорят о своем прошлом и ссылаются на него только тогда, когда их личный опыт помогает понять тот или другой закон, который они хотят разъяснить. Идущего ощупью чрезвычайно ободряет мысль о том, что достигнувший больших высот должен был проходить через те же испытания, которые в настоящее время так мучат его.

Письмо 44

Невидимые рождественские дары

Еще не поздно пожелать вам веселых рождественских праздников.

Как я узнал, что у вас Рождество? Я заглянул в знакомые мне дома и увидел там деревья, украшенные блестящими украшениями и дарами. Вас удивляет, что я мог видеть их? Но вы забываете, что мы освещаем свое место, а когда мы знаем, как нужно смотреть, мы начинаем видеть позади покрывала.

Я не могу прислать вам материальный дар, который вы могли бы повесить на свое рождественское деревце, но я могу послать вам доброе пожелание к празднику.

Матери, покинувшие маленьких детей на Земле, хорошо знают, когда на Земле приближается Рождество. Иногда они приносят невидимые дары, сделанные силою воображения и любви из тонкой субстанции этого мира. Я видел одну бабушку, которая в течение всего сочельника разбрасывала цветы вокруг любимых внучат. Благоухание этих цветов должно было проникнуть и в атмосферу Земли.

Не приходилось ли вам когда-нибудь почувствовать внезапно нежный аромат, который исходил непонятно откуда? Если да, то возможно, что кто-нибудь, любя, осыпал вас невидимыми цветами. Любовь сильнее смерти.

Обычай праздновать Рождество очень хорош, если вы не забываете истинного значения этого праздника. Для одних он означает рождение духа смирения и любви; и хотя любовь и смирение были в мире и прежде появления Иисуса из Назарета, но никогда, ни раньше, ни позднее, не приходили они с такой могучей силой. Были ли Вифлеемские ясли физической реальностью или символом, это не делает никакой разницы.

Странник такой, как я, желающий перенестись в определенное небо, должен прежде всего почувствовать то же, что чувствуют души, наслаждающиеся этим небом, и тогда только может он вступить в общение с ними. Он никогда не может оставаться только простым зрителем. Вот почему я лично избегаю того, что называют адом, но небеса я посещаю часто. Посещал я и христианские небеса и знаю их красоту⁷. «В доме Отца Моего обителей много». Это верно.

Был я также и в чистилище римских католиков. Не относитесь высокомерно к тем, кто заказывает мессы для успокоения души усопшего. Бывает, что его душа сознает такую заботу о нем. Она может даже слышать музыку и пение, а иногда до нее может достигать и фимиам, но главное — души усопших чувствуют силу мысли, направленную к ним. Чистилище реально в смысле реального переживания. Если вы хотите называть его сном, называйте, но сновидения бывают иногда страшно реальны.

Даже и те из перешедших сюда, которые не верят в чистилище, испытывают временно большую грусть, пока не приспособятся к новым условиям здешней жизни. Но если бы кто-нибудь сказал им, что они были в чистилище, они отнеслись бы к этому заявлению отрицательно, и тем не менее признались бы, что состояние их было мучительно. Самый верный путь для того, чтобы избежать этот переходный период, — это переступить в иной мир с полной верой в бессмертие, с полной верой в силу души творить условия своего существования.

Недавно мое сердце переполнилось любовью ко всем людям, и душа моя была полна идеей Христа.

Вероятно, благодаря этому я легко поднялся в самые высокие из христианских небес, и я увидел Того, Кого называют Спасителем, во всей Его красоте. Он тоже спускается по временам в ваш мир.

Не знаю, смогу ли я вам объяснить это? Любовь Христа всегда присутствует в мире, ибо всегда существуют сердца, которые поддерживают ее свет. Если бы мысль о Христе Исккупителе поблекла в земном мире, Он, по всей вероятности, возвратился бы на Землю, чтобы снова зажечь пламя в человеческих сердцах; и что бы ни думали позитивно настроенные умы, никогда не была эта идея более реальна, чем теперь.

Мир совсем не в таком плохом состоянии, как некоторые думают. Не удивляйтесь, если скоро настанет настоящее возрождение духовности. Все на свете подвержено закону ритма.

Ангелы Христианских небес знают, когда празднуется Рождество на Земле. Иисус Назаретский есть реальность. Как духовное тело, Он существует во времени и пространстве; как Христос, как прообраз духовного человека, Он существует в сердцах всех людей, в которых пробуждена эта идея. Он — то же, что Свет, отраженный во множестве водяных капель. Он образец величайшего Учителя. Он усвоил Закон и провел его через свою жизнь, И когда он сказал: «Отец и Я — Мы одно», Он этим указал всем людям, как осуществить в себе высокую ступень Учителя. И если кто-либо спросит, какова цель земной жизни, скажите им, что цель эта — эволюция Учителя из человека. Вечность долга. Цель светит для каждого, у кого есть сила, а кто не в силах вести, тот может служить.

Я не решусь сказать, что каждый из нас достаточно силен, чтобы достигнуть учительства; но никто из нас не может быть настолько слабым, чтобы не иметь хотя бы небольшой части в великой задаче развития Учителя из человечества. Великое счастье служить. И те, которые служат, получают свою награду.

Большая ошибка, которую делают все, оспаривающие проблему эволюции, состоит в непонимании факта вечности как вечности, в непонимании, что быть бессмертным — значит не иметь ни начала, ни конца. Времени достаточно для развития если не в одном цикле жизни, то в другом, который последует за ним; ибо ритм не прекращается.

Пока я был на Земле, я не владел идеей бессмертия; и только здесь, когда я начал собирать нити моего собственного прошлого, я понял. Более всего помогло мне в этом то явление, которое я знаю как Прекрасное Существо; оно научило меня упиваться торжеством бессмертия, оно, которое играет с бесконечностью, как дитя играет с шариками.

Когда Прекрасное Существо говорит: «Я есмь», вы чувствуете также, что и вы есть. Когда Прекрасное Существо говорит: «Я срываю столетия, как дитя обрывает лепестки маргаритки, и отбрасываю плодоносное сердце, чтобы вырастали цветы, приносящие новые столетия», вы испытываете — но нет таких слов, которые могли бы выразить восторг бессмертия, который чувствуешь под влиянием радости Прекрасного Существа.

Вы совсем забываете, что считали себя существом из плоти, когда этот светлый гений сознательного бессмертия ликует в упоении своим собственным бытием. Когда Прекрасное Существо берет вас с собой на прогулку по «небесным лугам», вы чувствуете себя как один из сонаследников вселенских владений.

Прекрасное Существо было со мной в гот раз, когда я достиг высочайших христианских небес. Если бы я мог выразить то, что я там испытал, возможно, что вы начали бы спешить сюда, а вы должны оставаться на Земле еще долгое время, вы должны познать реальность бессмертия, оставаясь во плоти, и должны передать другим это знание.

Я говорил вам о тех небесах, в которых пребывают обыкновенные добрые люди; но те, которые любят Бога с глубокой страстью, те достигают таких высот созерцания и экстаза, каких человеческая речь не в состоянии описать. Рядом с Прекрасным Существом я испытал эти экстазы прошлую ночь, когда вы были погружены в сон.

Где я буду в следующий Рождественский сочельник? Где-нибудь во вселенной; ибо мы не можем покинуть ее, если бы даже захотели. Вселенная не может обойтись без нас, она была бы неполна. Возьмите эту мысль с собой в наступающий Новый год

Письмо 45

Высший мир грез

Я давно не был у вас потому, что занят был опытом.

С тех пор, как я перешел сюда, я так часто видел мужчин и женщин, находящихся в состоянии субъективной радости блаженных сновидений, если можно употребить это слово, — что я решил, в свою очередь, провести несколько дней, погружившись в свой внутренний мир, чтобы испытать то же самое, что испытывают они. Я долго колебался, потому что не хотел засыпать на долгий срок и терять время, ценное для меня и для вас.

Но когда я однажды выразил перед Учителем мое желание посетить высшую страну грез, заключенную в моем собственном сознании, и высказал страх, что могу надолго заснуть, он обещал найти меня и пробудить ровно через семь дней по земному исчислению, если я сам не проснусь ранее этого срока. «Ибо, — сказал он, — вы можете установить в своем сознании будильник, на который можно положиться вполне».

Этот факт был мне известен по прежним опытам, но я боялся, что психический сон глубже обыкновенного сна и что мой будильник не начнет действовать в назначенное время.

Во время земной жизни я часто слышал рассуждения о том, что духи, вступающие в общение со своими друзьями, почти ничего не говорят о потусторонней жизни. Очень возможно, что причиной служит неуверенность в том, что их поймут, если бы они вздумали описать свое новое существование, до того оно разнится от жизни на Земле.

Кроме того, большинство пребывающих здесь душ впадает в состояние грез, или сновидений, которые и я решил испытать на себе. Некоторые души просыпаются от времени до времени, и тогда они могут проявить интерес к явлениям и людям на Земле; но если сон очень глубок и душа желает покинуть все земное, тогда это подсознательное состояние может длиться непрерывно в течение многих лет и даже столетий. Но душа, которая в состоянии спать в течение столетий, принадлежит, вероятно, к тем душам, жизненный ритм которых очень медлен.

Итак, перед тем как погрузиться в глубокий сон, я наложил на себя зарок оставаться недолго в этом состоянии.

Да, эта страна грез внутри меня самого была поистине полна чудес! На языке теософов это, наверное, и означает их отдых в блаженстве Девакана. Но как бы ни называть это переживание, оно стоит того, чтобы быть незабвенным.

Я закрыл глаза и погрузился глубже, чем мысль, туда, где беспокойные волны жизни затихают и душа становится лицом к лицу с собой и со всеми чудесами прошлого. В этом состоянии все очаровательно. И если при этом душа способна запомнить свои сновидения, как это было со мной, в таком случае состояние грезящего несравнимо ни с чем.

Погружаясь, я решил наслаждаться, и я действительно наслаждался. Я нашел там призраки всех, кого любил в земной жизни. Они улыбались мне, и я понял тайну каждого из них, и что именно притягивало нас друг к другу. Я нашел там и все мои старые честолобивые мечты, и я наслаждался плодами всех моих трудов на Земле. Прекрасный мир, розовый, как весенняя заря, этот внутренний мир души, и каждое желание сердца пребывает в нем. Не удивительно, что напряженная земная жизнь бывает так часто тяжелой и утомительной; эта жизнь грез, следующая за ней, так прекрасна, что равновесие должно быть соблюдено.

Отдых! Покой. На Земле вы не знаете значения этого слова. Я отдыхал только семь дней; но до такой степени восстановились мои силы, так освежились они, что, не будь у меня иных намерений, я мог бы, кажется, снова вернуться на Землю.

Не пренебрегайте отдыхом, вы, которые продолжаете вести трудовую жизнь под лучами земного солнца. Ибо каждый лишний час полного покоя увеличивает вашу трудоспособность. Не бойтесь. Вы не расточаете времени, когда тихо лежите и мечтаете. Как я уже говорил, вечность долга. Существует достаточно придорожных убежищ для отдыха на пути следования циклов времени.

Если вам хочется долгого-долгого небесного отдыха — что же, пользуйтесь им. Наслаждайтесь им даже на Земле, если это привлекает вас. Не будьте всегда в напряжении, даже и в вашем литературном труде. Идите на простор и затейте игру с белками, или растянитесь у горящего камина и мечтайте вместе с домашней вашей кошкой. Кошка, наслаждающаяся дремотой у тлеющего очага, точно так же и ловлей мышей, смотря по настроению. Она не может вечно охотиться, так же и вы.

Попробуйте когда-нибудь погрузиться в Девакан, и вы увидите, до какой степени это освежит вас. Может быть, я неверно употребляю слово «девакан», вы знаете, что я никогда не был силен в теософических учениях. Так, я слышал, что Нирвана определяется как состояние в высшей степени напряженного движения, до того быстрого, что оно кажется неподвижным,

подобно пущенному волчку или крыльям летящего колибри. Но Нирвана не для всех людей, по крайней мере, не для всех современных людей.

Я упомянул о чудесах моего блаженного семидневного отдыха, по я не могу описать их. Разве это возможно? Один великий поэт сказал однажды, что нет мысли и нет чувства, которое не могло бы быть выражено словами. Может быть, он потерял свою уверенность теперь, когда провел около шестидесяти земных лет в этой стране чудес.

Когда я решил насладиться отдыхом, я приказал своей душе сохранить все мои сновидения. Конечно, я не могу сказать, не ускользнуло ли какое-нибудь из них, как и вы, просыпаясь, не можете сказать, все ли ночные переживания сохранились в вашей памяти. Но когда я вернулся в нормальную жизнь этого мира, которую вы называете астральной, я чувствовал себя как путешественник, возвратившийся из дальнего странствия с запасом чудесных приключений, которые ему не терпится рассказать. Но только я не рассказывал их никому. И кто бы стал слушать эти грезы и видения? Я не хочу надоедать никому, даже и моим «раз- воплощенным» сожителям. Будь тут Ляйонель, я позабавил бы его моими рассказами, но он потерял для меня па время.

Кстати, в его случае почти совсем не было деваканического отдыха. Оттого ли, что, перейдя сюда так рано, он не успел исчерпать нормальный ритм? Возможно. Если бы он остался здесь до полного возраста, он бы так же устремился к более глубокому внутреннему миру. Но я не хочу рассуждать; это летопись переживаний; рассуждения я предоставляю вам.

Я нашел в моем мире грез прекрасное, невыразимо прекрасное лицо. Я не скажу вам чье, пусть это останется моей тайной. Несомненно, я видел много лиц, но одно было всех прекрасней, и это не было лицо Прекрасного Существа. Прекрасное Существо я вижу только тогда, когда обладаю вполне ясным сознанием, когда я бодрствую. Я никогда не видел его во сне, лишь его призрак проносился передо мной в сновидениях. В стране грез, о которой идет речь, мы видим лишь то, что существует в нашем собственном сознании. Там нет вещей, только воспоминания о вещах, только изображения их.

Воображение творит в этом мире, как оно творит в вашем; оно настоящим образом формирует из тончайшей субстанции; но в этой области, которую я назвал «высшей областью грез», я не думаю, чтобы мы формировали из субстанции. Это мир световых и теневых картин, слишком тонких, слишком неуловимых, чтобы можно было описать эту волшебную игру света и тени. Словами этого не передашь. Разве вы можете описать аромат цветов? Разве вы расскажете, как ощущается поцелуй? И даже если бы вы вздумали рассказать любую испытанную эмоцию, например страх, разве человек, никогда не испытывавший сграха, мог бы понять вас? Гак же и я не могу описать, как можно грезить в этом духовном мире грез. Одно скажу: как бы вы ни наслаждались, какими бы восторгами ни упивалось ваше сердце, пока вы все еще в теле, — вы будете иметь лишь тень от тени того, что я испытал за эти семь дней, отражение отражения той реальной мечты, которую я пережил в этой волшебной стране грез. Отражение отражения! Мне нравится это выражение. Оно делает верную картину, хотя и не передает непосредственного впечатления. Попробуйте же грезить, и хотя вы еще на Земле, возможно, что вы уловите отражение от отражения невыразимых словами радостей духовного мира грез.

Письмо 46

Только песнь

Хотите вы услышать другую песнь или гимн — называйте как хотите — того удивительного ангела, которого мы называем Прекрасное Существо?

«Почему ты боишься спрашивать меня? Я великий разрешитель вопросов.

Хотя мои ответы лишь символы, но ведь и сами слова только символы.

Я давно не навещал тебя, ибо когда я с тобой, ты не можешь думать о другом, а тебе нужно думать о тех, которые прошли тог самый путь, по которому идешь и ты.

Ты можешь снять образец своих путей с других, но ты не можешь сиять его с моих путей.

Я вношу свет в темноту, моего имени тебе ни к чему знать.

Имя есть ограничение, а я не хочу быть ограниченным.

В давно прошедшие времена Ангелов я отказался войти в образы моего собственного творчества, я соглашался лишь играть с ними.

Вот намек для тебя, если ты хочешь намеков.

Тот, который удерживается своими собственными созданиями, становится рабом. Это одно из различий между мной и человеком.

Какой земной отец захочет отделаться от своих детей? Какая земная мать пожелает этого?

А я! Я могу заставить розу расцвести — и затем оставить ее, чтобы могли радоваться сю другие.

Моя радость была в творчестве. Мне было бы скучно дожидаться, пока опадут все лепестки с моей розы.

Художник, способный забыть свои прежние создания, в состоянии творить все более и более великие вещи.

Радость — в совершении, а не в удержании того, что уже сделано.

Сделать и выпустить из рук, да, это магия богов.

Существуют человеческие расы, которым я открыл себя, они обоготворяют меня.

Но тебе не нужно обоготворять меня, ибо я не требую обоготворения.

Не значило бы это ограничивать себя собственными созданиями, если бы я ожидал чего-нибудь от душ, к которым прикоснулась моя красота?

Если бы ты знал магию этой свободы! Свободы творить и оставлять сотворенное!

Ты думаешь о магии удержания?

Да, есть магия и в удержании, пока удерживаемая вещь не доведена до совершенства.

Страница отсутствует

Страница отсутствует

ше для вас. Научитесь выпускать из рук. Это первое, на что мне хотелось обратить ваше внимание.

Не вступайте в новую жизнь, устремив один глаз на небеса, а другой повернув к Земле. Вы не уйдете таким образом далеко вперед. Бросьте. Старайтесь немедленно отвернуться от этого мира.

Это может звучать для иных людей как бессердечный совет, ибо несомненно, что мудрый дух, взирающий на Землю из высших областей, может путем тонкого телепатического внушения оказывать благое влияние на земную жизнь людей. Но желающих оказывать такое влияние бесчисленное множество. Небеса над вашими головами буквально кишат душами, которые жаждут приложить руку к земным делам. Души, которые не в состоянии «бросить», для которых принимать участие в чужих делах — такая же непреодолимая привычка, как... ну, как курение табака или опиума. И опять-таки не считайте меня бессердечным. Я говорю напрямик, но я люблю вас, обитателей Земли. Если я и задеваю вас, то для вашего же добра.

А теперь я подхожу к другому очень важному совету. Забудьте, если можете, все грехи, которые вы совершили во плоти. Вы не можете избежать их последствий, но вы можете уклониться от укрепления вашей связи с грехом, вы можете уклониться от возвращения на Землю загнипнотизированной мыслью о своей греховности.

Не носитесь с грехами. Это верно, что вы можете исчерпать влечение к греху, разбираясь в нем до тех пор, пока ваша душа не почувствует отвращения; но это слишком медленный и неприятный процесс. Отрезать забвением гораздо лучше.

А теперь я хочу высказать мысль, очень трудную для выражения, по той причине, что она совершенно новая для большинства из вас. Мысль эта следующая: сила творческого воображения сильнее в людях, облеченных в земные тела, чем в людях-духах, сбросивших

эти тела. Это не значит, что большинство умеет применять эту силу, нет, большинство не умеет; но мне хочется указать вам на то, что они могут пускать ее в дело. Плотное тело есть как бы сопротивляющаяся основа, могучий рычаг, благодаря которому воля может проектировать все то, что замышляется воображением. Мне думается, что в этом — настоящая причина, почему Учителя сохраняют свои физическ

Страница отсутствует

Вы должны помнить, что когда я впервые пришел к вам, вы даже не знали, что я уже покинул Землю. Я нашел вас в пассивном настроении и написал через вас письмо, подписанное знаком, значение которого было неизвестно для вас, но который — я знал это — будет немедленно узнан одним из ближайших друзей ваших. Это было очень счастливым начинанием, ибо оно внушило вам доверие к подлинности моих сообщений. Прибавлю одно только слово перед тем, как уйти от вас.

Если бы вы настойчиво призывали меня в течение этих дней моего отдыха, вы могли бы насильственно обрезать чрезвычайно ценный и интересный опыт. И потому мое последнее заключительное слово, мое благословение после проповеди будет такое: не будьте эгоистически настойчивы, даже с так называемыми мертвыми.

Если ваша нужда велика, души, любящие вас, почувствуют это и сами придут к вам на помощь. Это часто подтверждается и на Земле, среди тех друзей, психическое восприятие которых уже раскрыто.

Письмо 48

Весенняя пора мира

Сказав вам в последнее наше свидание, что вы должны «умереть», как выражаются на Земле, я сегодня чувствую потребность уверить вас, что вы никогда и ни в коем случае не можете умереть; что вы так же бессмертны, как ангелы, так же бессмертны, как сам Бог.

Нет, это не есть противоречие.

Я и прежде говорил о бессмертии, это всегда было моей любимой темой; но с тех пор, как я узнал Прекрасное Существо, бессмертие сделалось для меня торжествующей уверенностью.

Прекрасное Существо живет в вечности, подобно тому, как мы, по нашему представлению, живем во времени. Не хотите ли записать еще одну песнь Прекрасного Существа?

«Когда вы видите меня в зеленых деревьях и на зеленых лужайках, знайте, что вы приблизились ко мне.

Когда вы слышите мой голос в безмолвии, знайте, что это я говорю с вами.

Бессмертные любят говорить друг с другом через смертных, и для них большая радость — будить ту радость, которая дремлет в душе сынов Земли.

Когда пробуждается радость, пробуждается и душа.

Вы ищете Бога в том или другом человеке, и иногда вы находите Его в нем.

Но меня вы ищите в вашей собственной душе; и чем глубже искание, тем прекраснее видение.

Да, я — ив природе, я — ив вас самих, когда вы ищете меня там.

Ибо природа двойственна, и одну ее половину вы носите в себе.

Все вещи и едины, и двойственны — даже я, и вот почему вы можете найти меня.

Можете ли вы понять очарование свободы, возможность по воле своей проноситься вокруг неба и земли и через души людей!

Я — легче пушинки одуванчика и долговременнее величайшей звезды.

Вечное — неосязаемо, и только неосязаемое — непреходяще.

Дорога, ведущая к волшебному замку мечты, не длинна; наиболее отдаленная — и та ближе, чем для вас соседняя дверь, но один лишь мечтатель находит ее.

Когда работа легка — плата обеспечена; когда дни полны тяжелых напряжений, награда откладывается вдалеке.

Будьте радостны, и я награжу вас.

Я начертал бы свое имя на лепестках вашего сердца, но только одни ангелы могут прочитать такие письма.

Кто носит мое неведомое имя на лепестках своего сердца, тот принимается среди ангелов, как радующий их цветок, его благоухание достигает небес.

Знай, дитя Земли, у сердца есть пыльца, и она оплодотворяет все цветы веры твоей.

Есть вера в душе, дитя Земли, и она несет в себе семена всех вещей.

Времена года приходят и времена года уходят, но весеннее время пребывает всегда.

Я же могу находить в вас лишь то, что было потеряно в “Весеннюю Порю”...»

Письмо 49

Архивы души

Я уже говорил о решении посетить другие планеты, когда я кончу писать эти письма через вас; но я не хочу умолчать, что придаю этим путешествиям по вселенной гораздо меньшую духовную ценность, нежели тем, другим странствиям, которые я делал и буду делать по неизведанным тайникам моего собственного я.

Путешествовать во времени и пространстве имеет для человека большое значение: он узнает другие страны и другие народы, видит разницу между другими и собой и узнает причину этой разницы; и все же спокойные размышления приводят еще скорее к внутреннему росту. Если человеку с раскрывшейся духовностью можно выбирать, для него лучше уединиться в пустынное место и искать в своей собственной душе те тайны, которые хранятся в ее глубине, чем путешествовать без такой проверки, хотя бы и до самых пределов Земли.

Познакомьтесь с вашей собственной душой. Узнайте, почему вы поступаете так или иначе, почему вы чувствуете вот это или вот то. Сядьте спокойно каждый раз, когда вы сомневаетесь, и пусть истина поднимается из ваших собственных глубин. Проверяйте всегда ваши мотивы. Не говорите: «Я должен бы сделать это дело по такой-то причине, по этой причине я и делаю его». Такой аргумент есть самообман. Если вы делаете что-нибудь хорошее, ищите причину в себе. Возможно, что вы найдете даже в самом добром деле скрытый эгоистический мотив. Если вы найдете такой мотив, не отрицайте его перед самим собой. Признайтесь в нем перед собой, хотя объявлять о нем на стенах вашего жилища нет никакой нужды. Такое сокровенное понимание увеличит ваше сочувствие и ваше понимание при обсуждении мотивов других людей.

Стремитесь всегда к идеалу; но не считайте каждую эмоцию идеальной, если она в действительности не такова. Будьте всегда правдивы с собой. Пока у вас не будет смелости говорить себе одну правду, вы не сделаете успеха в исследовании своей собственной души.

В промежутках между земными жизнями есть время для размышления, но привычка к размышлению должна быть заложена, пока вы еще во плоти. Привычки, приобретенные во плоть

продолжаются и после того, как мы освобождаемся от плоти. Вот почему так важно сохранять себя насколько возможно свободным от всяких физических привычек.

Я сам сделал изумительное открытие в архивах моей собственной души. Я нашел там воспоминание о моем прошлом, столь отдаленном, что трудно даже и представить себе. Вглядываясь, каким образом причины, приведенные в действие в одной жизни, вызвали свои последствия в другой, я приобрел более ценные знания, чем все те, которые мне может дать мое предстоящее путешествие на другие планеты.

Все без исключения существует в душе; всякое знание находится там. Овладевайте этой идеей, если можете. Непогрешимая часть нас самих сокровенна, и от нас зависит вынести ее на свет Божий. Вот почему я советую развоплощенным людям отвернуться от развлечений и от ярких миражей земной жизни. Лишь в тишине уединения может душа выдать тайны свои.

Но это не значит, что я равнодушен к земной любви; наоборот, я люблю глубже, чем

когда-либо, тех, кого я любил на Земле; но я понял, что если я могу любить их мудрой любовью вместо немудрой — это будет лучше и для них, и для меня.

И все же земной призыв бывает иногда очень силен, и мое сердце дает ответ по эту сторону разделяющего нас покрова.

Письмо 50 Формула для учительства

Мой друг, я собираюсь покинуть вас на время, может быть даже надолго.

Мне кажется, что мои ближайшие задачи по отношению к земле окончены. И мне хочется еще более облегчить свой груз и подняться на волнах эфира высоко-высоко и забыть в восторге новых переживаний, что мне снова придется когда-нибудь проделать тяжкий путь через узкие врата рождения.

Я собираюсь вместе с Прекрасным Существом в далекий путь чудесных открытий. Мой светлый товарищ уже проделал это путешествие и может указать мне дорогу ко многим чудесам. Есть нечто грустное в этом прощании. Помните, как вы в последний раз видели меня в моем старом теле? Никто из нас не думал в тот день, что мы встретимся снова в чужой стране и при условиях, до того необычных, что одна половина людей будет сомневаться, можно ли вообще встретиться таким образом, а другая будет не верить, что мы встретились на самом деле.

Но вы, разве не чувствуете меня более реальным сейчас, в этот вечер, чем я когда-нибудь был для вас? Когда мы были вместе в прошедшие дни, разве вы больше знали о том, что я намереваюсь сказать в следующую минуту, чем вы знаете теперь? Напрягайте сколько хотите ваш мозг, вы не скажете, о чем я собираюсь говорить с вами. Для вас, по крайней мере, это будет служить доказательством, что я так же реален, как и тогда.

В настоящее время я уже сказал то главное, что мне хотелось передать людям вообще. И я желал бы, чтобы вы обнародовали эти письма, выбросив только личные обращения.

Да, возможно, что мы долгое время не увидимся с вами. Но не грустите. Когда я уйду, возможно, что придет кто-нибудь другой.

Не запирайте слишком плотно ваших дверей; но охраняйте их внимательно и не впускайте никого без надлежащего пароля. Вы не можете обмануться; я дал вам достаточно указаний.

Сегодня мне трудно писать, ибо чувствую грусть, покидая Землю. И все же я в упоении от предстоящего путешествия. Подумайте только! Я увижу наиболее удаленные планеты и встречу с обитателями далеких звезд!

Говорят, что на Юпитере живут существа, изумительные на вид, я увижу их. Окажутся ли они прекраснее, чем наше собственное Прекрасное Существо, которое любит маленькую землю и старается оставаться вблизи от нее, потому что на ней так много борьбы?

О, эта радость борьбы! Это — основная нота бессмертия, основная нота могущества. Пусть это будет моей последней вестью, направленной к людям. Скажите им, чтобы они радовались всем видам борьбы, чтобы они восхищались бесконечными возможностями сочетаний и творчества, чтобы они жили в каждом данном миге, готовясь в то же время для далекого будущего, и чтобы они не преувеличивали значения временных падений и разочарований.

Когда они перейдут в этот наш мир и увидят свои жизни в перспективе, они убедятся, что большинство их тревог было ничтожно, и что все лучи света и все тени были необходимы для полноты картины.

И у меня были и свет, и тени, но я не жалею ни о чем. Учитель радуется затруднениям, как сильный пловец наслаждается сопротивлением воды.

Если бы я только мог показать вам, какая сила возникает, когда встречаешь борьбу не только мужественно, но и с радостью! Вы видели, как наслаждается здоровый мальчик борьбой. Его кровь обращается быстрее, его нервы напрягаются; но только тот, кто сохраняет самообладание, может оказаться впереди.

Жизнь есть сражение. Мы облакаемся в материю, чтобы победить ее, — иначе она победит нас.

Нет ничего во вселенной сильнее человеческой воли, если она направлена сосредоточенной силой. Каковы бы ни были ваши силы, напрягайте их как можно сильнее в жизненной борьбе.

И помните, что противники ваши — не другие люди, а условия. Если вы будете бороться с людьми, и они в свою очередь будут бороться с вами; но если вы будете бороться с обстоятельствами, они будут поддаваться вам, сопротивляясь ровно настолько, чтобы держать ваши мускулы в здоровом напряжении.

И не забывайте закона ритма — он в основе всего на свете. Рассчитывайте на ритм. Он никогда не обманывал и никогда не обманет. Следите за вашим собственным высоким приливом и плывите с ним; когда же настанет неизбежный отлив — или отдыхайте, или размышляйте. Вы не можете избежать ритма. Вы превзойдете его, действуя в согласии с ним.

Вы можете также пойти вспять и обрести юность, ибо и время имеет свой прилив и отлив; и имеется много струй на высоко вздымающемся жизненном приливе.

Чувствую, что я многое не досказал. Но мы снова увидимся с вами.